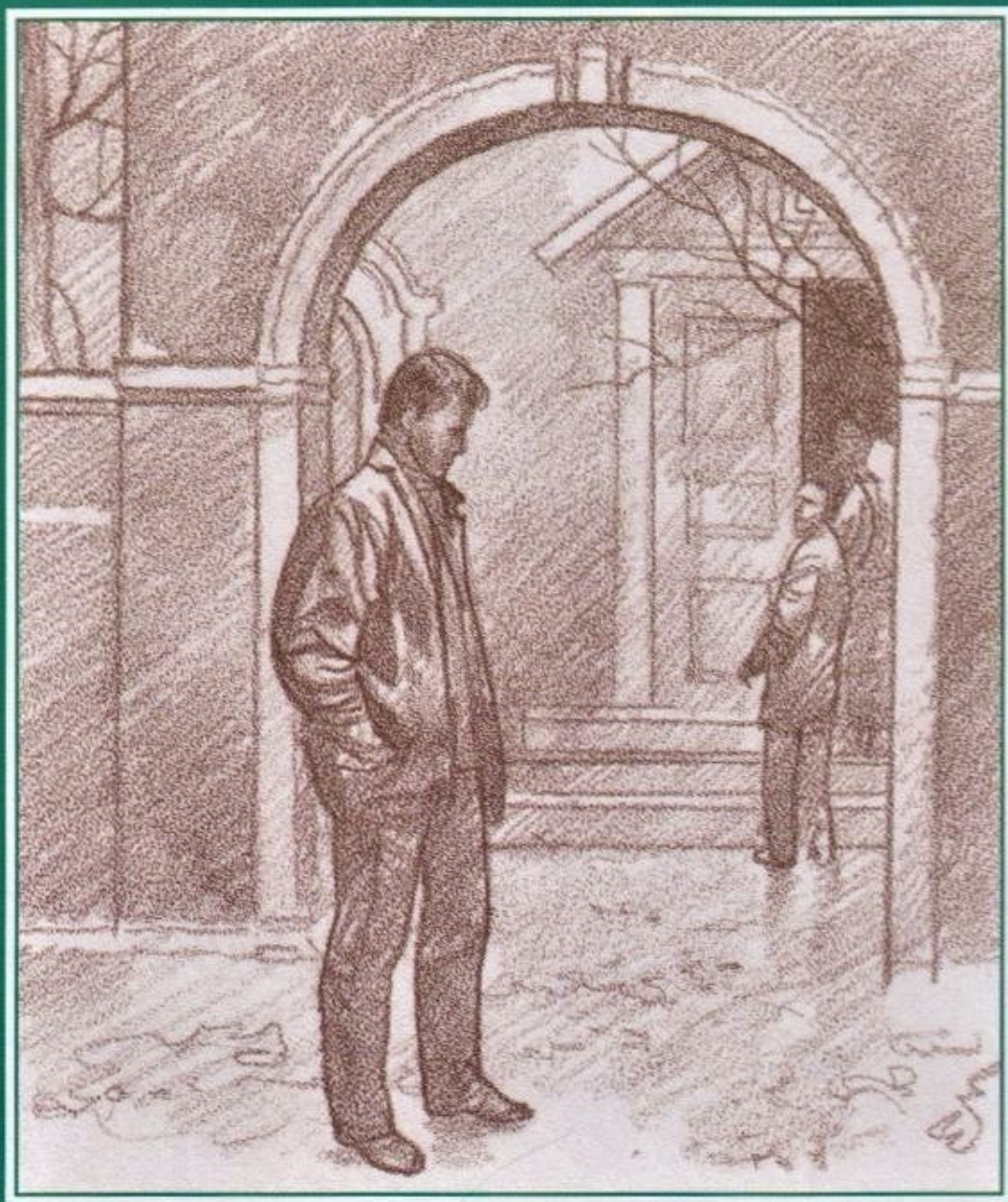

Добрые книги Ирины МАРТОВОЙ

Ирина Мартова

*Перекрестки
судьбы*

Ирина Мартова

Перекрестки судьбы

«Художественная литература»

2015

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

Мартова И.

Перекрестки судьбы / И. Мартова — «Художественная литература», 2015

ISBN 979-5-280-03692-4

«Перекрестки судьбы» – книга об удивительных и таких непростых судьбах людей, связанных большой любовью и верной дружбой. Через ошибки, потери, разочарования и обретения психологически точно, мастерски и увлекательно ведет по жизни своих героев автор – Ирина Мартова.

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 979-5-280-03692-4

© Мартова И., 2015
© Художественная литература, 2015

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Мартова

Перекрестки судьбы

*Моей дочери.
Пусть твоя СУДЬБА
станет тебе подругой...*

*Не стращай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой...*

Анна Ахматова

Оформление художника Т. Погудиной
Иллюстрации художника А. Дудина

© И. Мартова. Текст. 2016
© А. Дудин. Иллюстрации. 2016

© Т. Погудина. Оформление. 2016
© Издательство «Художественная литература». 2016

Вместо предисловия

Март суетливо доживал последние дни, на удивление, морозные и снежные.

Совсем стемнело.

Он, постучав замерзшими ногами об обледеневшее крыльцо, переступил сразу через две последние ступеньки и, рванув на себя скрипучую дверь, оказался, наконец, в теплом подъезде.

Переведя дыхание, мужчина поспешно направился к почтовым ящикам, висевшим на дальней стене, когда-то выкрашенной в ядовито-зеленый цвет и до сих пор сохранявшей пронзительность окраски. Остановившись, он на мгновение задумался.

Затем решительно повернул крохотный ключик и вытащил из ящика небольшой белый конверт с казенными печатями. Дрожащими руками мужчина лихорадочно надорвал бумагу и, достав тонкий лист, стремительно пробежал глазами по ровным, равнодушным строчкам. дочитав, закрыл глаза и сердито-раздраженно смял листок в кулаке...

– Не проживают... Опять промах... Исчезли.

Он вдруг судорожно всхлипнул и, дрогнув губами, прошептал:

– Я все равно найду вас... Обязательно отыщу! Всю оставшуюся жизнь буду искать...

Часто и громко хлопала входная дверь, в подъезд то и дело входили замерзшие жильцы, удивленно поглядывая на странного человека...

А он, ничего и никого не замечая, все что-то шептал и шептал одними губами...

* * *

Наступал апрель.

Первый его день радости не принес.

Мрачный, холодный, дождливый, он нагонял тоску и какое-то отчаяние. Капризная природа энергично выливалась на землю накопившуюся за зиму влагу, старательно опустошая небесные запасы.

Снег, который после неожиданно выжного и метельного марта лежал повсюду огромными белыми шапками, вдруг сразу как-то осел, посерел, покрылся грязной коркой.

В общем, картина, увиденная Верой, подошедшей поутру к окну, оказалась безрадостной и унылой.

Отчего-то девушке подумалось, что природа уже никогда не оживет после долгой зимней спячки.

Невесело покачав головой, она медленно отошла от окна.

Скорее по привычке, чем по необходимости, Вера включила чайник, сделала крошечный бутерброд и присела за небольшой кухонный столик.

– Вот так... – нарочито громко произнесла девушка и, горько усмехнувшись, тут же продолжила, обращаясь к самой себе, – так, в абсолютном одиночестве, ты теперь и будешь проводить свои оставшиеся дни... Одинокая, но свободная!

Она помолчала, а потом, не удержавшись, съязвила:

– И гордая! Свободная и гордая!

Вера откусила бутерброд, глотнула обжигающего чаю и, вздохнув, добавила, словно убеждая и себя, и невидимого глазу собеседника в чем-то очень важном:

– Хотя нет... Постой-ка... А вообще, при чем здесь одиночество?! Это мое уединение... Добровольное уединение. Вот именно – добровольное! – Сказала и вдруг всхлипнула.

Резко отодвинула чашку, расплескав на стол любимый зеленый чай, и, прикусив губы, грустно опустила голову, стараясь не расплакаться.

Посидела. Помолчала. Собралась с силами и опять улыбнулась, глядя куда-то вдаль:

– Ну и хорошо. Посвящу жизнь себе. И работе. И маме...

А потом, вздохнув, решительно махнула рукой, отчаянно пытаясь не поддаться грызущей сердце тоске:

– Ну и ладно... Все у меня будет хорошо. Все будет хо-ро-шо! Обязательно!

Глава 1

Тетя Поля старательно мыла длинный коридор, с трудом сгибая уставшую спину и время от времени вытирая пот, выступавший на висках. Покряхтывая и что-то бормоча, она сурово поглядывала на каждого, кто пытался наступить на влажные, только что вымытые половицы. Добравшись, наконец, до входа в столовую, тетя Поля старательно отжала выдавшую виды тряпку и бросила ее на пол возле обычной, сделанной в столярной мастерской швабры. Женщина, работавшая в детском доме уже почти сорок лет, не признавала никаких новомодных пластмассовых изделий: они казались ей недолговечными, некачественными и несерьезными. Если кто-то вдруг пытался ее переубедить, то она, не стесняясь в выражениях, говорила прямо и откровенно:

– Не учи ученую! Ишь, умник какой сыскался... Да ты еще под стол пешком ходил, а я уже тут полы намывала! Понял? Вот и иди, иди... Видали – учить он меня вздумал!

После такого жесткого отпора любой оппонент поспешно удалялся, оставляя тетю Полю полной победительницей.

Только один человек во всем детском доме являлся авторитетом для этой суровой дамы. Только один человек смел ей перечить, делать замечания и даже время от времени отчитывать. И этим человеком был, конечно, не директор, а детдомовский завхоз.

Заведующий огромным школьным хозяйством, человек довольно мрачный, хмурый, но до щепетильности честный, никому спуска не давал, держал всех санитарок, нянь, дворников, мастеров в «кулаке» и строго следил за выполнением ими их обязанностей. И не дай бог, если кто-нибудь из его большой команды совершал оплошность – пощады никому не было. Тогда Виктор Павлович, так в миру звали завхоза, а по-детдомовски Кнут, не просто отчитывал провинившегося, а так кричал, краснея лицом, так махал кулаками и топал ногами, так лихо строил докладные и объяснительные записки, что лучше было бы сразу уволиться, чем все это перетерпеть. Кстати, откуда взялось такое прозвище, никто уже и не помнил, но все детдомовцы, привыкнув звать завхоза Кнутом за его суровый нрав, иного имени уже и представить себе не могли.

Вот так и повелось, что строгая тетя Поля, хоть Виктора Павловича и не боялась, но старалась с ним никогда не конфликтовать.

Домыв сегодня полы, она зорко окинула оценивающим взглядом доверенную ей территорию, одобрительно хмыкнула и, поправив цветную ситцевую косынку на голове, довольно громко похвалила себя, нисколько не стесняясь проходивших мимо детдомовцев:

– Красота... Ай да Поля! Труженица!

День постепенно набирал обороты.

Городской детский дом жил своей обычной жизнью.

На большой, светлой, современной кухне повара во главе с шеф-поваром, необъятной, но бесконечно доброй и чрезвычайно чувствительной Ольгой Сергеевной, готовили обед; воспитатели занимались привычной работой, которая в таком заведении никогда не заканчивается; мастера, подгоняемые все тем же Виктором Павловичем, затеяли генеральную уборку в мастерских.

Работа кипела... А как же? Во всем должен быть порядок.

Тетя Поля, подхватив ведро с грязной водой, направилась было в сторону огромного фойе, чтобы заодно вымыть и большое входное крыльцо, но тут же отчего-то остановилась.

Что-то странное ее насторожило...

Сведя брови на переносице, она, затаив дыхание, внимательно прислушалась. Какие-то подозрительные звуки доносились из бытовой комнаты первого класса, называемой их дет-

домовским народом попросту бытовкой. Постояв, женщина немного поразмыслила, а затем решительно и широко распахнула чуть приоткрытую дверь.

– Эй, есть кто? А?!

Никто не отвечал.

Но выдавшую виды суровую тетю Полю обмануть было сложно. Помолчав, она опять грозно окликнула, даже чуть притопнув при этом:

– Эй! Чего молчишь? Кто тут?

Так и не добившись никакого ответа, женщина, тихо бормоча что-то себе поднос, протянула руку к выключателю и, когда небольшая комната озарилась ярким светом, изумленно ахнула:

– Батюшки мои, да ты чего тут?

Между шкафов с одеждой, прямо на полу, сидела, обхватив руками колени, светловолосая худенькая девушка. Воспитатель малышей первого класса. Вера Ивановна. Верочка, как любовно звали ее за глаза детдомовцы.

Удивленная тетя Поля приблизилась к плачущей девушке и, наклонившись, погладила ее по голове как ребенка:

– Вера, да ты чего? Что, детка, случилось? А?

Девушка отчаянно замотала головой:

– Ничего...

Тетя Поля свела брови к переносице, что не предвещало ничего хорошего:

– Ну?

Вера подняла к ней залитое слезами лицо и всхлипнула:

– Я, тетя Поль, с мужем три недели назад развелась...

– Да ты что? – ахнула женщина и тяжело опустилась на стул, стоящий рядом с девушкой, – вот тебе раз...

Она задумалась на мгновение:

– Дак ведь хороший мужик у тебя был, а? Верочка?

Та, услышав слова взрослой женщины, еще горше зарыдала, пожав плечами.

Тетя Поля по-хозяйски расправила плечи и, недоверчиво хмыкнув, покачала головой:

– Ой, беда... Чего развелись-то?

Вера молчала.

Пожилая дама опять грозно нахмурила брови и сочувственно прищурилась:

– Изменял небось?

– Нет, – прошептала девушка, откинув прядь светлых волос с высокого лба.

– Пил? – продолжала допрос уборщица, строго глядя на молодую воспитательницу.

– Нет, – опять мотнула головой Вера.

– Нет?! – пораженно ахнула женщина. – Дак, что ж тогда?! – растерянно размышляла тетя Поля, – чего ж тебе не хватало? Может, денег не давал?

– Давал, – кивнула, глотая слезы девушка.

Тут женщина, очевидно, исчерпав все понятные ей причины развода, сурово хлопнула ладонью по колену и жестко подвела итог:

– Так... Ну, ты только не обижайся, но ты, Верка, дура! Чего ж тебе не хватало? Мужик как мужик...

Тетя Поля досадливо скривилась, бессильно разведя руками:

– Не гулял, не пил, не бил... Нормальный был человек, значит! Нет, на тебе – развелась...

А чего ж теперь ревешь как белуга? А?

Верочка всхлипнула, вытерла платком красный опухший нос и тихо прошептала:

– Страшно. Просто одной страшно очень... Как жить – не знаю.

Тетя Поля, сменив гнев на милость, сочувственно покачала головой:

– Ах ты... Бедолага! Вот бабы дуры... Наломают дров, а потом ревут. Не надо было спешить, Верочка! А теперь что ж... Держись, крепись, терпи! Что ж тут скажешь...

Помолчав минутку, она с сомнением и надеждой глянула на притихшую Веру:

– А может, вернется еще, а? Передумает? Все ж бывает... А? Вер? Погуляет, проветрится, соскучится...

Но Верочка отчаянно замотала головой и опять залилась слезами:

– Нет. Мы официально развелись. Окончательно.

– Вот оно что, – женщина, погрузнев, печально кивнула. – Это понятно. Ну, что ж делать... Не реви тогда! Чего ж теперь голосить? Дело-то сделано. Ты, девка, думай... Думай, где ошиблась, что такое было меж вами неправильное, где оступилась... Думай, миленькая, чтоб в следующий раз не повторить таких глупостей. Да умойся, хватит реветь... Иль забыла – Москва наша слезам не верит! Сейчас твои первоклашки из школы явятся, что ж ты их с красным носом, как Дед Мороз, встречать будешь?

Тетя Поля подхватила свою швабру, ведро и величественно двинулась к выходу. Уже шагнув было за порог бытовки, она внезапно обернулась:

– Не горюй, девка. Не надо. Это не лихо еще... Ой ли! Все пройдет. Все забудется, ты молодая, красивая... Тебе и годов-то твоих не дашь! Перемелется, Верочка, мука будет... Работай, все пройдет. Это жизнь...

Верочка всхлипнула, грустно улыбнулась ей и кивнула:

– Хорошо. Спасибо вам, тетя Поль!

Та только отмахнулась досадливо:

– Спасибо потом скажешь... Пока не за что! Да помни: воли слезам не давай, терпи! Слышишь? Терпи!!

Вера Ивановна еще раз кивнула вслед пожилой женщине, умеющей и пожалеть, и поддержать, и отругать... Затем, глянув на часы, ойкнула и торопливо вскочила, поправляя платье:

– Все, все, все... У меня теперь другая жизнь. Другая!

Она и верила, и не верила своим словам...

Да и что толку верить?

Жизнь все равно все расставит по своим местам. Сама управится. Сама решит, кто прав, кто виноват...

Ну а виновного накажет...

Может быть...

Глава 2

Верочка родилась ранним утром как раз в середине августа.

Солнце, словно предчувствуя, что с минуты на минуту на свет явится еще одна представительница прекрасного пола, расстаралось вовсю. Уже взошедшее и умывшееся, оно ослепительно улыбалось навстречу новой жизни.

Небо, высокое и по-августовски синее, казалось бесконечным и бездонным. И только какие-то неугомонные птахи, не отдавая должного торжественному моменту, щебетали вовсю под окнами родильного дома.

Дарья, рожавшая долго, почти десять часов, теперь счастливо улыбалась, глядя на крошечную девчушку, которую ей с нескрываемым удовольствием показывала седоголовая акушерка:

– Ты гляди-ка, – прищурившись от яркого солнечного света, ворковала Лидия Ивановна, принимавшая роды, – вот так красавицу тебе Бог подарил... Ишь, ты какая! И морщится-то, словно понимает, что о ней говорят... Ах, хороша девчонка! Хороша, ничего не скажешь!

Даша, совершенно потерявшая способность здраво рассуждать и от длительных трудных родов, и от всеобщей атмосферы радушия, и от, как ей казалось, нереальности происходящего, только счастливо улыбалась и моргала, пытаясь прогнать стоявшие в глазах слезы. Лидия Ивановна, заметив это, не смолчала:

– А чего глаза-то «на мокром месте»? Непорядок! Эх мы, бабы... Нет, вот что мы за люди?! Чуть что, сразу в слезы! Да ты радуйся, ведь человека на свет родила! Женщину! Красавицу!

Акушерка довольно улыбнулась, прищелкнула языком и добавила:

– А она вырастет, тоже родит... И пойдет, и пойдет ваш род в гору... Слышишь? А ты будешь родоначальницей... А? Чувешь ответственность?

Даша молча пожала плечами, а потом смущенно прошептала:

– Да это я от счастья... Дочь все-таки...

– Вот-вот, молодец, что понимаешь!

Словоохотливая акушерка, очевидно, очень довольная своей работой и сделанным внушением, побежала по своим больничным делам, а молодая женщина долго лежала, глядя в потолок, все еще не веря своему счастью. Лишь изредка она, видно, что-то вспоминая, светло улыбалась да что-то чуть слышно шептала.

...Даша, нежная и трогательная, встретила свою любовь давно.

Еще в третьем классе. Тогда к ним в школу, сразу же после зимних каникул, пришел высокий, очень худой мальчишка, сын военного. Все в этом мальчике казалось необычным: и имя его, совершенно непривычное слуху, и смелость, и находчивость.

Звали мальчишку Тихоном. Ох и похохатывали же одноклассники поначалу над ним, дразнили... Но стеснительный парнишка на самом деле оказался неробкого десятка, дрался с местными пацанами не на жизнь, а на смерть, чем и поразил сердца всех школьных красавиц. Но сам Тихон, несмотря на девичье обожание, почему-то сразу, раз и навсегда, выделил для себя одну-единственную – Дарью, старосту класса.

Так, с третьего класса, и началась история их детской дружбы и бесконечной любви, приведшая потом к законному браку.

Тихон вырос не просто смелым, но целеустремленным, напористым и находчивым. Уже лет в четырнадцать он заявил Даше, что непременно станет военным, как все его предки. Прадед, дед, отец – все мужчины их рода защищали Отечество. И иной доли себе не представляли. Вот и мальчишка хотел продолжить династию. Дарье, честно говоря, это не очень нравилось,

боялась она всяких битв и сражений, но перечить Тише не решилась. Промолчала, считая, что семейные традиции нарушать неже. Так у них и повелось: Тихон что-то решал, а Даша его поддерживала.

Любовь их распелась так быстро и так буйно, что уже в год окончания школы они точно знали, что поженятся обязательно. В тот вечер, когда им вручили аттестаты зрелости, Тихон, уже повзрослевший, очень похорошевший и возмужавший, ставший сразу серьезным, взял Дашу за руку, нежно привлек к себе и кивнул на звездное небо:

– Дашка, видишь, как много звезд?

Девушка, притихнув, взмахнула ресницами и улыбнулась, подняв лицо к темному далекому небу, усыпанному мерцающими красавицами:

– Угу. Вижу.

Он ласково взглянул на нее:

– Я подарю тебе любовь, какую захочешь... Достану с неба и положу к твоим ногам. Правда! Не веришь?

Даша пожала плечами и прошептала чуть слышно:

– Верю...

Тихон обнял ее за плечи:

– Ты сама, как звезда! Дашка, ты такая... – он, задохнувшись от любви, замолчал, подбирая слова, – сияющая и прекрасная.

Помолчал задумчиво и тихо добавил:

– Моя любимая...

Дарья, смущенно опустила глаза, чувствуя, как забилося сердце. Тихон, отойдя на шаг от нее, внимательно взглянул на девушку:

– Хочу запомнить тебя такой навсегда. На всю жизнь... Хочу написать твой портрет.

Он осторожно коснулся пальцем, словно кистью, ее лба, провел по щекам, осторожно коснулся бровей, очертил глаза и, наконец, горячо обнял ее, наклонился и так легко поцеловал губы, словно тронул бутон розы:

– Люблю тебя. Очень.

Тихон, как и мечтал, после школы поступил в военное училище, десантное. Продолжил все-таки традицию, сохранил династию. Его отец, сильно постаревший за последнее время, сыном своим гордился. Да и как не гордиться – мужчина вырос!

Даша, тоже времени напрасно не терявшая, сразу же пошла учиться в педагогический институт. Просто потому, что он находился в том же городе, где и Тишино училище, и ей казалось отчего-то, что ее присутствие любимому как-то поможет, защитит от трудностей военного бытия, скрасит одиночество службы.

А дни бежали и бежали...

После второго курса, ровно в двадцать лет, они поженились.

И никто этому не удивился. Всем вокруг казалось, что иначе и быть не могло. По отдельности ребят никто уже и не представлял, только вместе, будто одно целое.

Так бывает...

Редко, правда. Но иногда встречается.

И была темная ночь, и звезды, сверкающие в немыслимой высоте, и ласковые травы на лугу, влажные от росы, и теплый дождь на закате...

И была такая страсть, такое счастье, что казалось, воздуха не хватит и остановится сердце...

Любовь плыла над землей, убаюкивая влюбленных и нашептывая им что-то, что слышали этой ночью только они.

Все, о чем мечталось, исполнилось.

Но все ли?

Ведь вся жизнь их была еще впереди...

А она, наша жизнь, как известно, умеет и удивлять, и огорчать, и радовать...

Каждому свое...

По заслугам.

Дарья светила от счастья, старалась ни о чем плохом не думать. Хотя тяжелые мысли так и роились в голове, порой мешая, отвлекая и уводя куда-то вдаль от повседневных забот. Ее мучило то, что, впрочем, печалило в ту пору и всю нашу огромную страну.

Афганистан навис тяжелой, мрачной тучей, огромным саваном над головами отцов, матерей, жен, сестер и невест...

Страна, втянутая в чужой конфликт, отдавала лучших сыновей, самых смелых и мужественных на съедение гадкому чудовищу по прозвищу война. В Афган уходили молодые, сильные, веселые парни, а возвращались угрюмые, искалеченные, ожесточенные, потерянные...

Если вообще возвращались.

Зачем? Для чего? За кого воевали?

Это и теперь остается нашей болью, а уж тогда...

Каждая мать молилась только об одном – чтобы не забрали... А если сын уходил, то чтобы вернулся... Искалеченный, раненый, потерявший себя и веру – только бы вернулся!

Только бы жил...

Даша даже и думать боялась о том, что рано или поздно эта проклятая война, в одночасье ставшая всенародной бедой и болью, постучится и в их дом.

Она просто жила сегодняшним днем, просто самозабвенно любила Тихона, просто старательно строила свой мир...

И все пока было хорошо.

Тиша закончил десантное училище, а в августе восемьдесят четвертого у них еще и дочка родилась.

Верочка.

Крошечная, забавная, единственная...

Даша даже дышать на нее боялась, а Тихон, умиляясь, ласково целовал крошечные пальчики на ручках, гладил ножки и тихо шептал, боясь разбудить ребенка:

– Доченька, моя доченька... Кровиночка.

И не было для них большего счастья, чем такие тихие семейные вечера.

И это умиротворение, эти заботы о ребенке, эти бесконечные семейные хлопоты – все как-то отвлекало Дарью от пугающих мыслей.

И она надеялась, что беда пожалеет ее, пощадит и обойдет их дом стороной...

Глава 3

Он вошел в темную квартиру и, не зажигая света, упал в глубокое кресло.

Странная, немая тишина висела в воздухе.

Словно умер дождь, уснул ветер...

Словно в целом мире существовал только он.

Он один.

И никого... Нигде...

Мужчина опустил голову, обхватил ее руками и, качаясь из стороны в сторону, застонал.

Будто раненое животное.

Или человек, потерявший что-то очень дорогое и милое сердцу.

На небритую щеку скатилась слеза.

Скупая. Мужская.

Оставив влажный след на подбородке, она упала на светлую рубашку и расплылась, превратившись в бесформенное влажное пятно.

Он долго-долго молчал, задумчиво глядя куда-то в пол. Потом, будто вернувшись в этот мир, поднял голову, встал с кресла и неспешно подошел к огромному зеркалу, висевшему на стене. Мужчина так внимательно разглядывал свое отражение, словно видел себя впервые...

А быть может, он просто искал в себе что-то, понятное только ему одному? Что-то давным-давно потерянное?

Но, как бы там ни было, попытка найти ответ на мучивший его вопрос, похоже, не увенчалась успехом, поэтому он, еще раз на мгновение обернувшись к зеркалу, печально усмехнулся и, обреченно махнув рукой, вышел в другую комнату.

Эта небольшая, но светлая и уютная комната служила кабинетом хмурому и печальному мужчине.

На стенах висели старые фотографии в рамках...

Свидетели радостей и горестей, больших побед и досадных оплошностей, свадеб и похорон, рождений и крестин...

Вся жизнь на виду. Шаг за шагом.

Эти фотографии, сделанные стареньким фотоаппаратом, купленным по случаю на какой-то распродаже, казались и напоминанием, и живым укором ему, давно потерявшему покой.

Уставший от своих переживаний, несбывшихся надежд и неоправданных ожиданий, мужчина подошел к дивану, подвинул поближе к себе небольшую подушку в атласной наволочке и прилег, подложив под щеку ладонь.

Спал ли он? Думал ли? Вспоминал ли?

Кто его знает...

Минуты поспешно уплывали и таяли где-то за горизонтом, секунды старательно отсчитывали мгновения уходящей жизни.

А печальные глаза все глядели и глядели куда-то вдаль.

Может быть, в далекое прошлое?

Ведь именно там иногда кроются причины и источники наших бед и поражений...

...Звук открываемой двери отвлек мужчину от размышлений.

Где-то в прихожей сначала слышались шаги, затем шум воды, очевидно, кто-то пришедший мыл руки, и, наконец, в его комнату заглянула женщина:

– Ты дома? А я смотрю, обувь стоит, а тихо, словно нет никого... Ты чего тут? Плохо себя чувствуешь?

Она встревоженно нахмурилась и подалась вперед, обеспокоенно ожидая ответа.

– Нет, что ты, – он нежно улыбнулся, сразу приободрившись, – не переживай... Все со мной нормально. Просто прилег. Устал немного, день какой-то суматошный выдался. Сейчас встану. Ну а ты как?

– Ничего.

Женщина, облегченно выдохнула, ласково кивнула и, подойдя поближе, присела на краешек дивана:

– Ты голоден?

– Нет. Я обедал в училище.

– Тогда, может быть, чайку? А? Давай заварю свеженького, крепенького, с лимончиком?

Хочешь?

Он, улыбнувшись, пожал плечами:

– А что? Это хорошая мысль... Давай. Выпьем чайку, посидим, поговорим...

– Ну и отлично. Тогда я иду на кухню, а ты прекращай хандрить и присоединяйся ко мне. Будем чаевничать...

Женщина, чуть наклонившись, нежно коснулась рукой его щеки, опять отчего-то тревожно вздохнула и отправилась заваривать чай.

Мужчина же, лишь на мгновение прикрыв глаза, тут же поднялся, посидел на диване, повел затекшими плечами и, надев старенькие тапочки, стоявшие рядом, неторопливо двинулся в сторону кухни, где уже призывно шумел закипающий чайник и звенела посуда, приглашая к чаепитию.

Светлая, большая кухня давно стала любимым местом их вечерних посиделок.

Чего только она не видела...

О, чего только не слышала!

А сколько слез было пролито на этом крошечном диванчике! Всего и не перечислишь, да и не надо...

Мужчина, войдя, присел на диван, стоящий у окна, и улыбнулся женщине, заваривающей чай:

– Что, Валюта, устала? Как дела? Как твои больные поживают?

– Ой, и не спрашивай, – она махнула рукой, – и устала, и набегалась, и напереживалась. Всего понемножку. А больные? Что ж... Лежат, страдают, бедолаги...

Валентина подняла большие синие лучистые глаза на мужа:

– Ну а ты? Был в училище? Что твои курсанты?

– О, мои курсанты – это отдельная история! – он рассмеялся. – Стараются, учатся, да трудно им, первокурсникам... Дети еще совсем. По дому скучают.

Разлитый по тонким белым чашкам свежий чай дымился, распространяя вокруг себя чудный аромат, присущий настоящим цейлонским сортам, терпким и вязущим. Женщина подвинула к мужу наполненную до краев чашку и, заботливо переставив сахарницу к нему поближе, опять внимательно взглянула на седого мужчину:

– Хочешь варенье? Абрикосовое? Или вишневое?

Мужчина улыбнулся:

– А что? Давай... Вишневое. Как раз под настроение...

Валентина, поставив на стол вазочку с вареньем, опять обернулась к мужу:

– Родной, давно хочу тебя спросить... Да не знаю, как...

Он отодвинул чашку подальше от края стола и поднял на нее задумчивые глаза, уже догадываясь о сути ее вопроса:

– Ну что ж... Спроси.

Женщина заметно волновалась.

Она стремительно поправила волосы, смахнула незаметную пылинку с домашнего платья и, собравшись с духом, неуверенно проговорила:

– Тихон, я вижу, что в последнее время ты сам не свой... Ходишь как потерянный, и работа тебе отчего-то не в радость... А ведь ты так любишь свое училище, своих курсантов... Что с тобой? А? Ведь между нами никогда не было тайн и секретов? А теперь? Я же чувствую... Скажи, тебя что-то мучит?

Мужчина опустил седую голову, помолчал, собираясь с мыслями, и негромко проговорил:

– Видишь ли, Валюша, мне ведь пятьдесят четыре года... Всего. Но вот голова вся седая, как у глубокого старика. Да и что тебе говорить, сама знаешь, сколько довелось мне пережить. Чего только не повидал я в этой жизни. Каких ужасов и страстей не испытал... Да и не жил бы уже давно, наверное, если б ты меня не выходила когда-то...

Она хотела что-то сказать, но он предостерегающе поднял руку:

– Нет уж, не перебивай. Ты спросила – я отвечаю.

Долгая, тяжелая тишина повисла в комнате.

Как густая, липкая паутина она приставала к лицу, рукам, телу, спутывая их, делая безвольными и беспомощными.

Тишина связывала, пеленала и баюкала сидящих в крошечной комнате людей, сковывая их волю и сознание. И они, словно поддавшись ее магической силе, замерли, слушая эту тяжелую, нависшую над ними оглушающую тишину.

Где-то там, за окном, кипела жизнь, а здесь сейчас стало так тихо, что даже едва различимый звук работающего холодильника казался громким и неприятно резким.

Валентина терпеливо ждала.

Ни за что она не решилась бы сейчас противоречить ему, самому дорогому и любимому на всем белом свете. Еще бабка ее, когда была жива (в честь которой ее, кстати, и называли Валентиной), все смеялась бывало над тем, как ее внучка любит своего мужа:

– Что ж ты голову-то совсем потеряла, внученька? Разве можно так мужика любить? Ой, не дело это! Да лучше пусть он тебя больше любит, ты же женщина... Вот глупая-то!

Но Валя тогда лишь упрямо молчала и любила, любила, любила...

Вот и теперь она, боясь дышать, сидела, послушно ожидая, когда Тихон соберется с силами.

Наконец, он, вздохнув, взглянул на нее:

– Хочу тебе признаться, да вот не знаю, поймешь ли...

Сердце у женщины упало куда-то в ноги и покатилося, покатилося, трепеща то ли от страха, то ли от дурного предчувствия.

– Да? В чем же признаться?

Муж неторопливо взял чашку, осторожно глотнул уже остывшего чая и подвинулся к ней поближе:

– Да не переживай ты так, пожалуйста. Я люблю тебя, ты сама знаешь. И благодарен тебе за все... За терпение твое, за ласку, за помощь.

Валя досадливо поморщилась:

– Тихон, к чему это? Говори уже... Не томи.

– Хорошо, – он согласно кивнул, – значит, вот что... Ты только не волнуйся. – Он снова ласково взглянул на нее, нахмурился, опять вздохнул и как в омут кинулся: – Решил я, Валечка, найти семью свою первую.

Он остановился, перевел дыхание и пристально поглядел на жену:

– Я рассказывал тебе, что потерял их как-то глупо, случайно, бестолково... Да что там! Все не так... Не так! И не терял я их вовсе, не терял! – Он судорожно проглотил ком, вставший где-то в горле, кашлянул и упрямо повторил, словно самого себя убеждая в чем-то: – Не терял, слышишь?! Судьба-злодейка пошутила. Жестко и жестоко. Будто испарились они... Как сквозь землю провалились.

Валя, похолодев от неожиданности, терпеливо молчала, глядя куда-то в сторону. В висках застучало, на глаза навернулись слезы...

Она молчала.

Потом потеряла виски и покачала головой:

– Вот оно что... Ну что ж... Ты не удивил меня, Тихон. Нет, не удивил. Чувствовала я, что не забыл ты их, не отпустил память, не смирился.

– Не забыл? – он озадаченно поднял на нее глаза, – да как же забыть? Валюта? Как смириться? – Мужчина удивленно развел руками. – Была семья – и не стало! Пропала... Как такое забыть?

Жена невесело усмехнулась:

– Но ты ж молчал все эти годы... А потом, – она задумчиво пожала плечами, – не они пропали... А ты. Ты погиб. Ты это помнишь? Ты для них умер. На тебя пришла похоронка.

– Да, – Тихон согласно кивнул, – для них – меня нет на этом свете.

Он покраснел и сжал кулаки:

– Но это же ошибка. Ошибка! Я – вот. Я – есть.

Но тут уж и Валентина довольно жестко ответила, как отрезала:

– Для них – тебя нет. Нет! И они в этом не виноваты. Страшно представить, что они пережили, получив похоронку. Да, тебя нашли через много лет, но они-то этого не знали. Они тебя оплакали и похоронили. Тебя больше не было в этом мире... Да ведь ты и сам ничего не помнил долгое время. Если бы тогда тебя наш офицер не опознал, что бы с тобой стало? Страшно представить.

Тихон печально кивнул:

– Ты права. Я воскрес из мертвых.

Валя взяла его ладонь, накрыла своей и тихонько произнесла:

– Ты помнишь, как в госпитале тебе память возвращали? Ты ведь понятия не имел, кто ты! Откуда! Забыл родителей, отчий дом... Помнишь?

Сердце его заколотилось и от обиды, и от страшных воспоминаний, и от безысходности...

Валя лаково обняла его седую голову:

– Не печалься. Сейчас все прошло. Ты есть. Ты жив. И я с тобой. Время лечит... Одного не возьму в толк: почему же ты так долго молчал о своем решении?

Он удивленно распахнул глаза:

– Как это молчал? Валя? Я же тебе все рассказывал. Все, что вспомнил. Ты все знала. Ну а то, что искать их стал – это тоже, Валюша, объяснимо. Я не молодею. По ночам кошмары снятся. И что-то грызет изнутри, грызет... Душа, что ли, болит? Были люди – и исчезли. Их нет... Но ведь они – часть меня. Моей нелегкой жизни. Понимаешь? И я должен их найти и увидеть.

Валентина печально опустила голову:

– Понятно.

Помолчала. Собралась с духом:

– И что? Что делать будешь?

Тихон пожал плечами:

– Что могу – уже делаю... Запросы писал несколько раз. Во все официальные органы, инстанции, инспекции... Ничего. Словно растворились. Будто и не было их вовсе, будто пришло мне все.

Сердце Валентины бешено заколотилось. Она вдруг поняла, что чувствует он, такой любимый и такой родной. Словно ощутила его боль и тоску. Подвинулась ближе, крепко сжала его ладонь:

– Тихон, ты только не печалься, не надо. Хочешь, я помогу тебе?

Он изумленно покачал головой:

– Ой, Валюша... Ты и вправду святая! Чистая душа...

Валентина светло улыбнулась:

– Нет. Не святая. Обычная. Просто люблю тебя. Если тебе плохо – и мне несладко! Пони-
маешь? Тебе станет легче – и у меня словно крылья вырастут.

Тихон кивнул:

– Это Бог мне тебя послал за мои страдания и беды. Ну что ж... Давай попытаемся вместе
искать. Хотя, – он помолчал, – надежды мало.

Но ведь не зря говорят, что надежда умирает последней.

Он улыбнулся и обнял жену:

– Будь что будет...

В его душе теплился огонек веры.

А сердце упрямо подсказывало, что, если чудеса и случаются в нашей жизни, то и его
не обойдет удача стороной.

Глава 4

Вера, сдав смену, отправилась домой.

Как всегда, выйдя на улицу из стен детского дома, она какое-то время никак не могла прийти в себя и отвлечься, все думала и думала о проблемах и трудностях своих детей.

Их было девятнадцать.

Девятнадцать мальчишек и девчонок, учеников первого класса. Девятнадцать фантазеров и выдумщиков.

Неугомонных и любопытных, упрямых и нежных, капризных и ласковых...

Девятнадцать умных и бесшабашных голов, умов и сердец, растущих без родителей.

Вера, уже шесть лет работавшая в детском доме, так привыкла их всех считать своими, что теперь, когда у нее кто-нибудь спрашивал: «Сколько у вас детей?», она, не задумываясь, отвечала: «Девятнадцать», чем вызывала у собеседников, особенно незнакомых, настоящий шок.

Верочка не просто знала наизусть их дни рождения, любимые игрушки, фильмы и сладости, но даже и то, как звали бывших родителей, откуда, почему и когда привезли ребенка. Она с удовольствием заплетала своим девчонкам косы, рисовала с мальчишками танки и самолеты. По ночам, когда ей выпадало ночное дежурство, ходила между детскими кроватками и все укрывала худенькие плечи и спины, складывала неумело убранные вещи.

Смазывала зеленкой разбитые во время соревнований коленки и локти, относила в мастерскую разбитую обувь и требовала у поваров добавки, когда видела, что кто-то из ее малышей не наелся.

Эти девятнадцать детей первого класса и были теперь, по сути дела, ее семьей.

Она их любила и скучала по ним, когда долго не видела.

Но сегодня, выйдя за территорию детского дома, Вера довольно быстро отвлеклась от привычных забот и проблем.

Вот уже почти четыре недели, как в ее личной жизни все пошло кувырком. Почему началось это противостояние, приведшее в итоге к разводу, девушка даже и теперь не понимала. Когда, в какую минуту ласковый и нежный Алешка стал холодным и замкнутым, Вера, честно говоря, не заметила.

И вдруг как гром среди ясного неба – его собранный чемодан, одиноко и сиротливо стоящий в их крошечной прихожей.

Когда Вера, вернувшись с работы полгода назад, наткнулась на этот дурацкий чемодан, она, ничего не понимая, подняла изумленные глаза на вышедшего навстречу мужа:

– Привет! Ой... Это что? Что за переселение народов? Ты в командировку, что ли, собираешься?

Алешка поначалу нахмурился, почему-то пряча глаза, как-то растерянно покачал головой, но потом, все же найдя в себе силы, заглянул ей в лицо и прямо спросил:

– Скажи, Вера, а тебе нравится, как мы живем?

– А как мы живем? – искренне удивилась ничего не подозревающая Вера.

Сообразив, однако, что что-то тут не так, она даже занервничала:

– Ой, подожди, подожди... А что, собственно, происходит? Я так понимаю, тебе что-то не нравится... А что? И при чем здесь чемодан?

Алешка, покраснев, сердито кашлянул и покачал головой:

– Вера?! Ты это серьезно? Нет, ты точно не от мира сего! Ты живешь как во сне... Ты хоть помнишь, вообще, что ты замужем?

– Ну, да, – как-то неуверенно протянула Вера, все еще не понимая, к чему он клонит.

– Неужели? А что у тебя есть муж, о котором надо заботиться, кормить его, стирать вещи... А? Об этом помнишь? Вот скажи, как ты живешь?! Ты вечно занята только своим детдомом, своей малышкой, их проблемами... Ты совсем забыла, что мы – семья!

Вера подавленно молчала.

Да. Конечно, он прав. Конечно...

Все свое свободное и несвободное время она проводила на работе.

Вечно неслась туда сломя голову. То торт повкуснее покупала, отметить чей-то день рождения, то цветные заколки девочкам на волосы, то еще что-нибудь...

И так каждый день. Каждый месяц... Всегда.

Она пытливо заглянула ему в глаза:

– А тебя это не устраивало? Нет?

Муж, не сдержавшись, сердито фыркнул:

– А что меня должно было устраивать? То, что тебя вечно нет дома? Или, быть может, то, что все наши разговоры за завтраком, обедом и ужином начинались и заканчивались одним и тем же: новостями из детского дома? Ну, скажи, что мне должно было нравиться в такой жизни?

Она взволнованно прислонилась к стене:

– Но ты никогда не говорил...

Алешка резко обернулся:

– А зачем? Разве бы ты меня услышала?

Он помолчал, а потом горько вздохнул:

– Тебя же никогда не интересовала моя работа, мои друзья, мои родственники... И не потому, что ты плохая, нет! Просто некогда тебе было. В твою голову даже не приходила мысль, что есть другая жизнь! А она есть. Представь себе, есть! Слышишь?

Вера и слышала, и понимала...

И прекрасно видела, что Алешка уже принял решение, и этот одинокий чемодан, стоящий в их прихожей – точка в их отношениях.

Он уходит.

И все же, надеясь на чудо, она, проглотив слезы, еле слышно прошептала:

– И что?

Ее муж как-то безразлично пожал плечами, помолчал и медленно произнес, сразу прервав ее в ледяшку своими словами:

– Я, Вера, ухожу. Сначала хотел уйти, не дождавись тебя. Думал, что так будет лучше... Но потом понял, что это не выход. Как-то это не по-мужски... Решил, что нужно честно все сказать. Глаза в глаза. Вот так... Поэтому и говорю.

– Так сразу и уходишь?

Она растерянно опустила глаза в пол, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Просто хотела еще раз услышать.

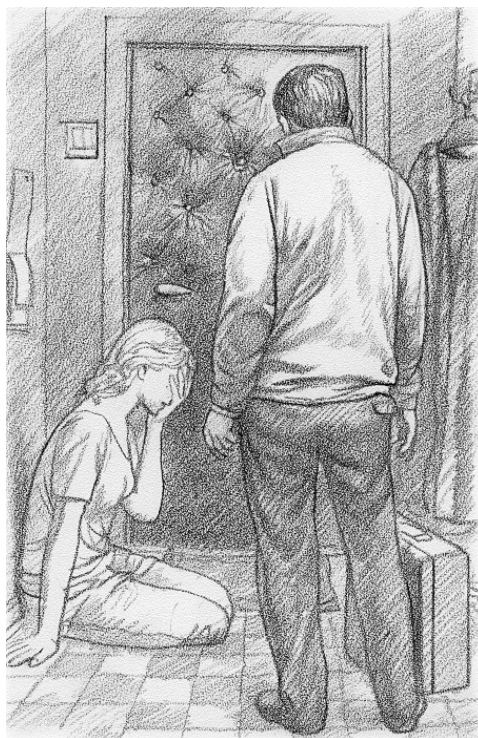
Он это понял и честно сказал:

– Да. Сразу и навсегда.

И словно глухая, непроницаемая черная штора мгновенно опустилась между ними, сразу разделив жизнь на до и после...

Он вздохнул, отлично понимая, что все сказанное им сейчас прозвучало слишком жестоко. Будто сожалея об этом, Алешка поспешно добавил:

– Хочу, чтобы ты понимала... У меня никого нет. Я тебе не изменял. Да и любовь-то еще не прошла. Но жить так я больше не могу. И не хочу. Я женился на тебе, а не на твоём детском доме. Прости.

Оглушенная, раздавленная и сразу потерявшаяся, она, уже не скрывая слез, сползла спиной по стене и опустилась прямо на пол в прихожей. Он же, постояв несколько секунд в полной тишине, молча взял чемодан, осторожно обошел ее и вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вот и все.

Лопнул чудесный, яркий воздушный шарик под названием «семья»... Трехлетняя семейная жизнь закончилась внезапно, оставив привкус горечи, разочарования и обиды.

Верочка тихо плакала, сидя на полу в прихожей.

Девушка не помнила и не понимала, сколько часов она так просидела. Только где-то под утро она, устав от рыданий и переживаний, нашла в себе силы дойти до дивана. Но, так и не уснув, она все глядела и глядела в потолок, словно пытаясь найти там объяснения всему произошедшему накануне вечером.

И покатилась другая жизнь.

Пустая. Холодная. Одинокая.

И она, измученная страданиями и горькими мыслями, надеялась только на время, которое якобы лечит.

И время шло... Но облегчения не наступало.

Минута за минутой, день за днем Верочка упорно и честно пыталась привыкнуть к мысли, что слова «мы» в ее жизни больше нет. Но в глубине души все же отчаянно надеялась, что настанет чудесное мгновение и Алешка остынет, успокоится и обязательно вернется. Обязательно!

Но чудеса не произошло. Не случилось.

И вот месяц назад они официально развелись.

Четыре недели – не один день... Но боль, поселившаяся в груди, не проходила. Не отпускала.

И сегодня, по прошествии месяца после официального развода, Верочка все так же горевала и тосковала, как в тот злопамятный вечер, когда обнаружила в прихожей собранный чемодан.

Услужливая память так и подсовывала ей тяжкие воспоминания, жесткие фразы и обидные, хлесткие слова, сгоряча брошенные Алешкой.

Да. Странно...

Все так же всходит солнце, все так же льет дождь... Все по-прежнему в этом мире.

А семьи нет.

Вера пыталась философски глядеть на жизнь.

Мама ее когда-то учила, что все проходит. Вера вздохнула... Ну что ж, наверное, это правда: чему быть – того не миновать.

Она очень старалась привыкнуть к одиночеству. Себя не щадила и не жалела, хотя по-прежнему не верилось девушке, что все это ей не снится. Никак не верила она тому, что Алешка уже не ее любимый муж. И главное – что она теперь совершенно свободна и независима, как птица...

Девушка усмехнулась: «Птица, которой лететь некуда. Да и незачем...»

Вот тебе и свобода.

Верочка, размышляя о своем неудавшемся замужестве, и сама не заметила, как остановилась у их любимого кафе.

– Ну что ж, – сказала она себе, улыбнувшись, – пойду пить кофе. Заодно и маме позвоню.

Она и не знала еще, сколько сюрпризов и испытаний готовила ей жизнь.

Да разве мы что-то знаем о нашем будущем?

Это, как говорится, тайна, покрытая мраком...

Но ведь все тайное рано или поздно становится явным... Или не всегда?

Глава 5

Верочка, заказав чашечку кофе и крошечное пирожное, подняла глаза, вдруг почувствовав, что за ней кто-то наблюдает.

Она осторожно украдкой огляделась.

Напротив, за маленьким столиком, сидела худенькая, очень молоденькая девчушка лет пятнадцати-шестнадцати. Вера внимательно присмотрелась, ощущая непонятную тревогу. Поначалу она даже не поняла, что ее так встревожило, но уже через секунду сообразила, отчего так заколотилось сердце. Эта девчушка, почти подросток, была поразительно похожа на нее, только не нынешнюю, а лет пятнадцать назад.

Один в один...

Вера даже глаза на мгновение закрыла, чтобы убедиться, что это ей не привиделось. Исподтишка опять взглянула... Такая же светлая челка, высокий лоб. И поворот головы, и овал лица, и еще что-то очень неуловимое, присущее Вере, в этой девочке тоже было.

Такое ошеломляющее сходство заставило Веру напрячься. Что за чудеса такие?

Она, конечно, слышала, что есть на этом свете похожие люди, даже что-то читала про двойников, но чтобы реально настолько походить на кого-то – этого она раньше и предположить не могла.

Однако все же понимая, что неприлично так пристально разглядывать незнакомых людей, Вера усилием воли заставила себя отвернуться, посмотреть в другую сторону. Но мысли, не подвластные разуму, все же опять устремились к незнакомке.

«Как странно, – размышляла Вера, глядя в окно, – как это может быть? Просто одно лицо... И взгляд такой же... Кто она, эта юная особа? Почему мы так похожи? Может быть, лучше заговорить с ней? Или, наоборот, сделать вид, что ничего не заметила?»

Совершенно растерявшись, она отчаянно боролась с желанием тут же все выяснить.

Принесли кофе и пирожное.

Верочка взяла в руки крошечную чашечку с ароматным напитком и, не удержавшись, опять взглянула в сторону.

Соседний столик был уже пуст.

Странная светловолосая незнакомка, как две капли воды похожая на Веру в юности, исчезла.

Словно растаяла.

Обеспокоенно оглянувшись по сторонам, Вера обернулась к входной двери, но никого не обнаружила. Удивленная и расстроенная, она поспешно кивнула официанту:

– Извините... Скажите, а девушка вот здесь сидела...

Тот недоуменно округлил глаза:

– Девушка? Какая?

– Не знаю... Ну, вот здесь сидела... Только что. Светловолосая такая, худенькая.

Официант равнодушно пожал плечами:

– Ушла. Расплатилась и ушла.

Вера, очень огорченная и отчего-то очень недовольная собой, тоже поспешила на улицу. Но напрасно... Среди прохожих она не увидела той, которая так ее взволновала.

Апрель бушевал во всю.

Солнечный, яркий, ласковый, он очень радовал уставших от холодов горожан. Таяли остатки снега, уже посеревшего и почерневшего, крошечными ниточками, блестящими под яркими лучами весеннего солнца, бежали ручьи, соединяясь в низинах в полноводные, бурлящие потоки. Солнечные зайчики игриво прыгали по лужам, весело подмигивая автомобильным зеркалам, окнам жилых домов и огромным витринам.

Природа оживала.

Однако Вера, уныло бредущая по улицам, словно не замечала этого оживления. В душе водили бесконечный хоровод хмурые и безрадостные мысли. Вопросы, на которые не находились ответы, роились, словно пчелы в период цветения.

Наконец взяв себя в руки и понимая, что глупо вот так бестолково бродить по городу, Верочка отправилась домой.

Теперь, после развода с мужем, она вернулась к родителям. Снимать квартиру одной оказалось невыгодно со всех сторон: и материально тяжело, и грустно находиться одной да и далековато от работы.

Отрыв дверь своим ключом, Верочка громко крикнула:

– Я дома!

Навстречу вышла чуть располневшая, но еще не потерявшая своей привлекательности женщина. Появившиеся морщинки в уголках глаз ее вовсе не портили. Все в ней казалось естественным и даже необходимым. Она лучилась какой-то теплотой и уютом, от нее веяло природной добротой и чистотой.

Ласково улынувшись, она чмокнула дочь:

– Ну, здравствуй, беглянка!

– Да почему же беглянка? – Вера насмешливо прищурилась: – Ты что, уже меня разыскивать собралась?

Мать пожала плечами:

– Нет, это было бы слишком... Но волноваться я уже начала, ведь ты уже часа четыре как освободилась? Вот и думаю, куда это моя красавица пропала?

– Гуляла.

Женщина внимательно поглядела на свою взрослую дочь:

– Все об Алеше печалишься?

Дочь промолчала.

Да и что тут скажешь? Четыре недели не то время, которое излечит, поможет, заставит забыть.

Переодевшись, Вера заглянула на кухню:

– Что делаешь, мамуль?

– Да вот решаю, что приготовить на ужин: курицу или рыбу?

Вера, присев на краешек стула, пристально глянула на мать:

– Мам, хочу у тебя спросить...

Та, отложив тарелку, которую держала в руках, в сторону, вопросительно подняла на Веру глаза:

– Ну, спроси...

Дочь подложила ладошку под щеку и задумчиво глянула в окно:

– Вот интересно... Ты любила папу?

– Папу? – женщина изумленно округлила глаза, – да почему же любила? Я и теперь люблю. Он ведь у нас самый лучший. Вон, – она кивнула на букет цветов, стоящий в высокой вазе, – до сих пор меня балует. И заметь, без всяких поводов...

Она мечтательно покачала головой, словно не веря своему счастью:

– Он – замечательный. Настоящий.

Вера, нахмурившись, согласно кивнула и вздохнула:

– Да, папа – замечательный. Но я не о нем...

Лицо женщины сразу потемнело. Словно туча набежала на яркое солнце в ненастный день.

Она молчала, все сразу поняв.

Вера, не дождавшись ответа, упрямо повторила:

– Мапочка, ну, пожалуйста... Ты моего настоящего отца помнишь?

Мама отошла к окну.

Как-то вдруг ссутулилась, поникла, помрачнела.

Было очевидно, что она с трудом сдерживает вдруг нахлынувшие слезы. Но, чувствуя, что дочь ждет ответа, все же нашла в себе силы улыбнуться и, обернувшись к дочери, негромко и как-то отрешенно ответила:

– Помню ли? Любила ли? Господи... Да разве все расскажешь? Это просто была другая жизнь. Другой мир, другая вселенная...

Она глубоко вздохнула и медленно закончила фразу:

– И я была другая...

Женщина кашлянула, собираясь с силами, и продолжила:

– Ой, доченька! Я так его любила, что себя не помнила... Да и не хотела себя помнить и о себе думать. Для меня существовал только он. Его руки, губы, интересы, его смех. Я просто была его частью, без него меня не существовало.

Дочь слушала, затаив дыхание.

А мать, поглядев куда-то вдаль, медленно проговорила:

– Когда он погиб, все померкло... Свет погас. Сердце остановилось. Язык онемел. Ноги отказывали. Не знаю, как я выжила. Правда, до сих пор не знаю...

Женщина помолчала:

– Нет знаю. Меня спасла только ты, доченька.

Даша редко говорила о погибшем муже.

Они с дочерью почти никогда не обсуждали те далекие времена, потому что это действительно была другая эпоха их жизни.

Но сегодня Вере внезапно захотелось вспомнить его, погибшего, но не забытого ими. Прижав ладошки к груди, она как завороченная глядела на мать.

А та задумчиво продолжала:

– Я когда похоронку получила – дышать не могла. И не плакала. Слез не было. Женщины сбежались, кричат, трясут меня, говорят – поплачь... А я не могла. Словно окаменело все внутри. Застыло. Замерзло.

Верочка вскочила и обняла мать за плечи:

– Ой, прости! Прости меня, бестолковую... Зря я этот разговор затеяла. Мапочка, все, не думай об этом... Не переживай! Столько лет прошло... Ты выстрадала свое нынешнее счастье. Не плачь!

Она достала платок и вытерла мокрое от слез лицо матери.

– Я так люблю тебя, мамочка! И я всегда буду с тобой!

Они долго-долго молчали, обнявшись.

Потихоньку успокаивались и медленно возвращались в день нынешний.

Они обе прекрасно понимали, что время неумолимо.

Боль притупляется.

Затихает... Но не забывается.

Она просто становится не такой острой, не такой невыносимой.

Но помнится всегда... У них все как-то устроилось. И самое главное – в их жизни когда-то появился другой мужчина. Не лучше и не хуже. Иной.

Добрый, чуткий, нежный... Который стал и заботливым мужем, и ласковым отцом. Которого Верочка с пяти лет называет папой. И любит как родного.

Так бывает... Редко. Но случается.

Для всех окружающих, не знавших ничего об их прошлом, они служили примером для подражания. Докучливые, словоохотливые соседки все пытались разгадать секрет их семей-

ного счастья. Всё чесали языками, сидя на лавочках возле подъезда, всё судачили об удаче, свалившейся на них.

Не понимали завистливые болтушки только одного, что каждому воздается по заслугам.

Зато Даша всегда чувствовала и всегда знала, что ее нынешнее счастье – это награда за все те страдания и беды, которые она когда-то пережила.

Глава б

Алексей, с головой погруженный в свои бесконечные таблицы, схемы и квартальные отчеты, даже и не заметил, что рабочий день давно закончился.

За окном уже засинел сгущающийся воздух, вся улица, напротив их офиса, покрылась желтыми кругами, щедро разбрасываемыми уличными фонарями.

Подняв глаза от мерцающего экрана компьютера, уставший мужчина закинул руки за голову и с удовольствием потянулся. Он взглянул на часы:

– Ого... Вот и скажи после этого, что время не летит... Просто несется куда-то!

Однако уходить совсем не хотелось.

Были те редкие минуты, когда и тишина в офисе, и свободное время, и, главное, силы и желание работать – все совпадало.

Он встал из-за стола, включил чайник, чтобы заварить чайку. Лучше бы было, конечно, выпить сейчас чашечку кофе, однако идти в соседний отдел, где теперь стояла кофемашина, ужасно не хотелось.

Но не успел Алексей насладиться свежим чаем, как дверь его кабинета вдруг широко распахнулась и на пороге показалась улыбающаяся Полина, их главный экономист.

– Ага! Не одна я, значит, такая... Не одна я до ночи тружусь, – она усмехнулась, а потом вопросительно глянула на мужчину:

– Ну а ты чего, Алексей? Долго еще будешь здесь сидеть?

Полина шагнула вперед и, закрыв дверь, прислонилась к ней спиной. Ее огромные черные глаза внимательно смотрели на Алешу:

– Домой не собираешься?

Алексей сдвинул брови и недоуменно пожал плечами: – А что? Почему такой допрос? В чем, собственно, дело? Полина вздохнула, прошла к столу и, взяв стул, села напротив мужчины, закинув ногу за ногу и чуть прищурившись:

– Да ни в чем, собственно... Просто подумалось, что время позднее. Наши люди уже по домам разбежались, только я да ты никак не расстанемся с этими бумажками. Скоро сторож нас выгонять начнет, ведь, как ни крути, а нарушаем мы с тобой трудовую дисциплину.

Алексей, улыбнувшись, кивнул на дверь:

– Ну? Так в чем же дело? Иди и ты отдыхать... И правда пора давно.

Полина, хитро подмигнув, покачала головой:

– А мне не хочется домой. Не согласишься, совсем не хочется...

И вдруг без всяких переходов резко выдохнула:

– А у тебя какие планы на вечер?

Алеша, задумавшись, растерянно пожал плечами:

– Да, планов никаких, честно говоря...

Полина, чувствуя, как заколотилось сердце, обрадованно его перебила:

– Отлично! Так, может быть, поедем поужинаем? А? Красовский?

Мужчина удивленно поднял брови, изумленный ее предложением:

– Мы с тобой?

Во-первых, ехать ему явно никуда не хотелось, ведь собирался подольше поработать сегодня. А во-вторых, он совсем не понимал, с чего это Полина, эта самоуверенная красавица и общепризнанная умница, вдруг его приглашает.

Собеседница, чувствуя грызущие Алешу сомнения, заторопилась:

– Поедем, соглашайся... Ну?

Она вопросительно взглянула на него, ожидая ответа.

Но Алексей, найдя в себе силы, решительно покачал головой:

– Нет, не хочется... Прости. Ну, правда, дел по горло, ничего не успеваю...
Видя неподдельное огорчение, мелькнувшее на ее лице, он поспешно добавил, улыбнувшись:

– Давай в следующий раз? А?

Женщина, встав со стула, чуть наклонилась к Алексею и, глядя ему прямо в глаза, спросила:

– Обещаешь?

Он рассмеялся, подняв руки:

– Слово чести...

Она довольно кивнула:

– Ну, так и быть... Договорились.

Полина легко прошла к дверям, громко стуча каблучками, и, уже распахнув дверь кабинета, резко обернулась:

– Красовский, а все-таки ты зануда...

Алексей шутливо развел руками:

– Вот тебе раз! С чего бы это?

Но женщина не стала ничего объяснять, она лишь взмахнула рукой на прощание и скрылась из виду...

Когда затихли в гулких, пустых коридорах ее летящие шаги и стук высоких каблучков перестал барабанить по паркету, Алешка встал со стула и подошел к окну. Ему вдруг почему-то очень захотелось взглянуть на Полину еще раз. В голове носились суматошные мысли, которые так и не находили достойного ответа на мучивший Алексея вопрос: с чего это главный экономист так упорно зазывала его на ужин?

Не находя подходящего ответа, он в недоумении пожал плечами:

«Странно. Знакомы давным-давно, работаем бок о бок в соседних кабинетах, встречаемся по сто раз на день... И никогда никаких особенных знаков внимания. А тут... С чего бы это?»

Полина, не подозревая, что за ней наблюдают из окна третьего этажа, спокойно шла по двору к своей машине.

Стройная, уверенная, черноволосая, длинноногая...

Открыв переднюю дверь машины, она грациозно, словно кошка, села на водительское место, и уже через минуту ее машина, такая же дорогая и холеная, как и хозяйка, выкатилась на широкую городскую улицу.

Проводив автомобиль взглядом, Алексей отвернулся от окна и задумчиво взъерошил волосы:

– Нет. Что-то тут не то, что-то крутит Полина... Ну, да ладно, разберемся.

Он сел в кресло, закрыл глаза и замолчал, слушая тишину.

Ничто не нарушало спокойствия, царящего в здании.

Тишина обнимала Алексея своим безмолвием. Ему было уютно и легко в этой густой и звонкой тишине.

Минуты и секунды убегали, унося с собой и этот день, и этот вечер. Будут, конечно, другие дни.

И, быть может, более удачные и радостные, но этот день, довольно трудный, хлопотливый, плавно перетекающий в надвигающуюся ночь, уже никогда не вернется, не повторится... Как не повторится ничто в нашей жизни.

И отчего-то мужчине стало грустно.

Алешка глотнул остывшего чая, вздохнул и выключил компьютер.

Работать уже не хотелось.

Визит главного экономиста, ее непонятное предложение и странное поведение как-то отвлекло его от работы.

Рабочее настроение незаметно улетучилось. Он усмехнулся и покачал головой в ответ на свои беспокойные мысли:

– Да, поздно. Пора, пора... Домой!

Сев в машину, Алексей вдруг задумался...

Как странно устроена эта жизнь. Как странно!

Была семья, любимая жена, дом. И вдруг в одночасье все рухнуло. И он опять один в свои тридцать пять лет. И не надо никуда спешить, и дома никто не ждет, да и дома-то нету по большому счету. Есть холодная, неудобная, холостяцкая съемная квартира на Новослободской и есть свобода от всего: от обязательств, обстоятельств, волнений и от ответственности за другого человека. Живи и радуйся.

Алексей тяжело вздохнул и негромко проговорил:

– Да... А вот радоваться как раз и не очень хочется. Да и нечему.

Он вдруг вспомнил озорную улыбку Веры, ее вечно падающую на высокий лоб непослушную челку, ямочку на правой щеке, веселый, звонкий, как колокольчик, смех...

И отчего-то защемило где-то в груди.

Может, душа тоскует?

Он тряхнул головой, будто хотел отогнать непрошенные мысли, сделал громче музыку и помчался по погружающемуся в недолгую летнюю ночь городу.

Глава 7

Уже совсем стемнело.

Никогда не спящий огромный город, завершив дневные дела, спокойно и привычно отдавался ночным заботам и радостям. Сверкали, переливаясь всеми цветами радуги, неоновые витрины и вывески, по центральным улицам огромными толпами бродили уставшие туристы.

Ночь властно вступала в свои права.

Полина, добравшись, наконец, домой, сбросила туфли на высоких каблуках в прихожей и, мельком взглянув на свои тапочки, терпеливо дожидаящиеся хозяйку у стены, с удовольствием пошла по квартире босиком. По пути включила свет, телевизор и, не переодеваясь, упала в любимое кресло, мягкое и уютное. Ничего не хотелось: ни двигаться, ни разговаривать, ни есть. Какая-то апатия вдруг накатила на Полину, принеся с собой непонятную грусть и глухое раздражение. Она, усмехнувшись, досадливо покачала головой, вспомнив, как сегодня зазывала Алексея в ресторан.

Ей стало обидно и неприятно.

– Надо же, какой упрямец... Ну, ладно, еще посмотрим кто кого...

Проговорив это вслух, Полина рассмеялась, понимая, что выглядит сейчас довольно глупо. Хорошо хоть никто не видит, как она беседует сама с собой.

Настроение потихоньку улучшалось.

Полина легко поднялась с кресла, обвела взглядом свою шикарную квартиру и вдруг усмехнулась. Ее усмешка казалась больше грустной, чем радостной.

Еще бы...

Все здесь, в этой уютной и светлой квартире, хорошо. Все, кроме одного... Нет здесь счастья. Холодное одиночество давно поселилось в этих стенах.

Она решительно прошла к огромному буфету, распахнула тяжелые резные дверцы, достала старую бутылку, купленную еще бывшим мужем, налила в высокий бокал кроваво-красного вина, терпко пахнущего далекой солнечной Италией, вызревшей виноградной лозой и старой дубовой бочкой, и опять с удовольствием опустила в любимое кресло.

Да, что-то сегодня с настроением не ладится. И себя жаль, и хочется плакать, и хочется любить...

И обязательно взаимно.

Ах, жизнь...

Полина откинулась на высокую спинку и закрыла глаза...

Она родилась в обычной московской семье.

Мама – медсестра, отец – мастер на заводе... Все, как у всех. Зарплаты не хватало, отец работал в две смены, мама тоже, как могла, подрабатывала: то капельницы и уколы на дому делала, то ночные дежурства брала. Вроде бы и не голодали, и одевались нормально, но почему-то не было ощущения спокойной и радостной жизни: все на бегу, все второпях, все наперегонки. Будто всю жизнь кого-то догоняли. Полина в девятом классе для себя решила: она так жить не станет. Ни за что.

Осмотрелась, поразмыслила и поняла, что для того, чтобы не суетиться всю жизнь, как родители, надо не просто отлично учиться, а стать первой во всем. И взялась за учебу так, что к окончанию школы оказалась лучшей ученицей школы. Медаль золотую восприняла, как должное, а матери, плачущей от радости, спокойно и уверенно сказала после выпускного:

– Я, мам, всего в жизни добьюсь. Вот увидишь.

И правда, все у нее спорилось.

Поступила с первого раза в Плехановку. В науку вгрызалась зубами, не гуляла, по дискотекам не шлялась, училась изо всех сил. Преподаватели на нее надышаться не могли: на сту-

денческую конференцию – ее, доклад на кафедре – ей, статью в университетскую газету – о ней. Получила девушка многое, а хотелось еще большего...

И она старалась.

Зубрила по ночам, из библиотеки не вылезала, курсовые проекты такие выдавала, что профессора только диву давались.

Но тут вдруг обнаружилось непредвиденное обстоятельство: пока Полина, отдававшая все свое время и силы учебе, стремилась к вершинам науки, ее подруги, кстати, далеко не такие хорошенькие и умненькие, как она, стали активно выходить замуж и даже рожать детей. Незамужних и одиноких к пятому курсу практически не осталось...

Внезапно обнаружив такую неприятную ситуацию, Полина даже растерялась. Как это? Что такое? Как такое может быть? Опять она осталась за бортом?

Осознав, наконец, что в пылу своего научного рвения она упустила что-то очень-очень важное, Полина, не привыкшая раскисать, решительно вступила в бой за свои женские права.

Сидя с подругой в студенческом кафе, она, нахмурясь, откровенно спросила:

– Слушай, Галка, а что со мной не так? Только честно!

Подруга испуганно округлила глаза:

– С тобой? Ты что, шутишь?

Но Полина не отступала:

– Нет, ты меня не жалей... Давай выкладывай, почему мужики на других женятся?

– Ах, вот ты о чем, – Галка облегченно вздохнула, – так тут, милая моя, все ясно как белый день.

– Да, – удивилась Полина, – и что же тебе ясно?

Подруга досадливо поморщилась:

– Да к чему тебе, Поля, эти разговоры? Ты и так у нас на факультете звезда. Перестань об этом думать...

– Ну уж нет! – Полина сердито оборвала Галку, явно уходящую от разговора. – Ты чего крутишь? Говори, что знаешь?

Подруга помолчала, размышляя о чем-то, а потом кивнула:

– Ну, хорошо. Только ничего особенного-то я и не знаю. Просто, раз есть глаза, вижу кое-что...

– И что ж ты видишь?

– А то... Ты только не обижайся, – Галка заспешила, – ты, Поль, как ископаемое животное у нас на курсе... Или как ученая мышь. Что, по-моему, еще хуже.

– Что? – изумленно ахнула Полина, – как это? Это почему?

– Ну, как почему? Ты сама подумай... Поступили мы на первый курс – и вперед! К студенческим радостям. А ты? Ночи напролет за конспектами, все выходные – в библиотеках, все вечера – на кафедре... Это просто ужас какой-то!

– Да почему ужас-то? – Полина недоуменно распахнула глаза.

– Да потому, что ты все эти годы потеряла... Ну, как тебе объяснить? Да, ты отличница, надежда кафедры, будущая аспирантка. Но ты же еще и женщина. А ты об этом совершенно забыла. Напрочь вычеркнула из головы, как ненужный хлам. Ты посмотри на себя... Ты же хорошенькая! Многим нашим девчонкам до тебя далеко, а ведь они уже замужем! А ты? Как робот все со своими книгами, тетрадями, конспектами... Да если на то пошло, мужики наши тебя просто боятся!

Полина, пораженная услышанным, долго не могла прийти в себя, а потом, внимательно поглядев на верную подругу, уточнила:

– Боятся? Почему?

Галка пожала плечами:

– Как почему? Потому! Кому нужна счетная машинка в доме? Ты ж как калькулятор – все посчитаешь, вычислишь, разделишь... А им ласка нужна, любовь, нежность.

Полину бросило в жар.

Она и предположить не могла, что все оказалось так запущенно. Растерянно глотнув холодного чаю, она сжала виски руками:

– Галка, – еле слышно прошептала она, – что же делать? Неужели все так плохо?

Галка, внимания которой добивались несколько молодых людей одновременно, задумчиво наклонила голову.

Долго молчала. Наконец, вздохнув произнесла:

– Да ты не расстраивайся. До диплома еще больше полугода, имя себе ты уже сделала, аспирантура тебе уготована, так что сейчас надо всеми силами исправлять ситуацию...

– Как? – взмахнула ресницами расстроенная девушка.

– А вот как...

Галка наклонилась к Полине и подмигнула:

– Фигура у тебя классная, ноги длиннющие, шея лебединая. Сейчас же снимаешь эти надоевшие джинсы, завтра надеваешь платье, туфли на высоких каблуках, волосы распускаешь, нечего их в этот противный пучок прятать, глаза красишь... Косметика-то есть?

Полина, шмыгнув носом, кивнула:

– Есть.

– Вот и отлично. И на занятия – как на праздник: с загадочной улыбкой и бесконечным счастьем на лице. Поняла?

– Поняла, – послушно прошептала Полина.

– Да смотри, – Галка усмехнулась, – не забудь: платье – покороче, каблуки – повыше, губы – поярче... Да улыбайся! Ты же красавица... Вот увидишь, мужики, как мухи на мед, начнут слетаться...

Уже прошло много-много лет после той встречи с Галкой в кафе, а Полина до сих пор помнит и свое волнение, и ее наставления, и бессонную ночь, изменившую ее совершенно.

Появление Полины на следующее утро в Плехановке было подобно эффекту разорвавшейся бомбы.

Ей вслед оборачивались, заведующий кафедрой даже привстал со своего скрипучего кресла, когда она, стуча каблуками, появилась на пороге. Парни восторженно хмыкали, а девочки удивленно шушукались, и только довольная результатом Галка исподтишка кивала и подмигивала, старательно наблюдая за всеми, кто оказывался рядом.

День пролетел как одна минута.

А вечером, когда они отмечали Полино преображение у нее дома, Галка подняла бокал и улыбнулась:

– Ну, вот, подруга... Ты теперь не только умница, как считали раньше на факультете, но и красавица... Видела, что творилось сегодня? Вот так фурор!

Она засмеялась. А потом добавила:

– Так что, как видишь, ничего еще для тебя не потеряно! Все у тебя будет: и любовь, и семья, и дети... Я никогда не ошибаюсь! Вот увидишь...

Счастливая Полина, услышав эти слова, закрыла лицо руками и заплакала.

Годы прошли. Пробежали...

Все сложилось вроде бы неплохо. И работа завидная, и деньги в достатке, и внимания мужчин – хоть отбавляй...

А вот счастье так и не поселилось в ее доме. Прошло стороной.

Муж, правда, был. И как-будто неплохой: обеспеченный, заботливый, серьезный...

Но детей Бог не дал. Полина поначалу очень страдала. Переживала, ведь годы-то уходили. А потом привыкла, надежду потеряла. У мужа, который был старше ее намного, уже росла дочь

от первого брака, поэтому он особенно и не печалился. Через семь лет муж внезапно умер. И она осталась совершенно одна: без детей, без семьи и без любви.

Так красавица и умница, которой на работе все очень гордились и восторгались, постепенно превращалась в стареющую одинокую обеспеченную даму. И хотя ей едва исполнилось сорок лет, она уже давным-давно не верила в любовь, в возможность счастья и приготовилась состариться в полном одиночестве.

Но, как оказывается, мы не властны над судьбой. Да и загадывать что-то – дело неблагодарное.

Но совершенно неожиданно для себя Полина стала замечать, что сердце ее тревожно сжимается при появлении заместителя директора по строительству, которого она знала уже лет пять. И никогда ничего! Никаких эмоций – только работа! И вдруг... Чудеса какие-то... Душа поет, улыбка с лица не сходит, хочется дурачиться и хохотать. И танцевать, будто ей опять восемнадцать лет!

Полина, понимая серьезность ситуации, пыталась взять себя в руки и договориться со своим разумом: Алексей был женат, поводов ей никаких не подавал, да и не подозревал, конечно же, что творится в ее сумасшедшем сердце.

Но ничего не помогало... Ничего! Ей хотелось его видеть, слышать его голос, улыбаться при встречах. Все это Полю, как женщину разумную, ужасало и пугало, но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вдруг сорока на хвосте, как это и бывает в больших компаниях, принесла весть о том, что Алексей развелся с женой... Полина боялась поверить своим ушам и старательно избегала любых ситуаций, которые могли бы ее выдать.

Но сегодня...

Сегодня она не сдержалась. Выдала себя с головой, когда внезапно стала приглашать Алексея поужинать.

Сейчас, сидя в своем любимом кресле, женщина переживала. Ведь завтра наступит новый день, а встреч не избежать – кабинеты-то рядом, как в глаза ему смотреть?

Но потом, вспомнив его голос, улыбку и чуть прищуренный пронзительный взгляд, Полина отчаянно махнула рукой...

Ах, будь что будет!

Жизнь-то одна...

Внезапно услышав знакомую мелодию, она подняла глаза на работающий телевизор. Певица, с очень знакомым лицом, старательно выводила:

Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?

Полина облегченно выдохнула и улыбнулась: а может, судьба и ей, наконец, подарок приготовила? Может быть, дождалась и она своего счастья?

Ведь нельзя на свете без любви прожить...

Глава 8

Верочка спешила на работу.

Она не любила опаздывать, понимая, что непоседливые сорванцы из первого класса всегда ждут ее появления.

Но, как на зло, маршрутка, на которой она обычно доезжала прямо до ворот детского дома, сегодня никак не появлялась. Еще ждать на остановке уже не имело смысла – опоздание было бы неминуемым, поэтому девушка запрыгнула в первый же автобус, шедший в том же направлении. Мысленно подгоняя этот привычно-неуклюжий городской транспорт, движущийся, словно черепаха, Вера нетерпеливо поглядывала на часы.

Время неумолимо убегало...

Делать было нечего, нужно было догонять улетевшие в никуда минуты, поэтому расстояние от остановки до ворот детского дома воспитательница бежала так, словно сама сдавала зачет по физкультуре.

Но вот как не заладится день с утра, так и потом кувырком все пойдет. Эту истину Верочка не раз на себе проверяла. Это утро оказалось не исключением.

Прямо в вестибюле она нос к носу столкнулась со старшей медсестрой детского дома, которая своим появлением обычно нагоняла страх на детдомовцев, особенно тех, кто помладше. А как ее не бояться: и уколы делает, и прививки, и в уши капает, и горло чем-то противным мажет. Раиса Степановна, бесконечно любя своих подопечных, пощады в вопросах здоровья не знала: сурово глядя на воспитанника, она строго спрашивала:

– Опять без шапки в мороз ходил?

Провинившийся мальчуган, явившийся к ней в кабинет с температурой, обычно молча кивал, понимая, что сам виноват, и терпеливо сносил все процедуры.

Встретившись с Раисой Степановной возле входа, Верочка сразу почувствовала, что та очень взволнована. А волновалась медсестра только в том случае, если кто-то из детей вдруг тяжело заболел. Увидев девушку, Раиса Степановна остановилась:

– Вера Ивановна, как хорошо, что я вас встретила...

– Да? А что такое?

Медсестра нахмурилась:

– Колю из твоего класса ночью «скорая» забрала. В больницу увезли...

Ахнув, Верочка испуганно подвинулась к женщине и схватила ее за рукав белоснежного халата:

– Почему? Что с ним?

Раиса Степановна, вздохнув, пожала плечами:

– Да если бы я знала. Говорит, что живот болит, тошнит... Температура поднялась. Я вызвала «скорую», они сразу забрали, говорят – на аппендицит похоже...

– Ой! Да вы что? – Верочка всплеснула руками, – что же делать?

Женщина строго глянула на нее поверх очков:

– А ты, Вера, не суетись. Это прежде всего... Главное – соблюдай спокойствие, помни, что дети вокруг нас, на тебя смотрят... Держи себя в руках.

Помолчав, она продолжила:

– А сделаем вот что... Ты сейчас в больницу поедешь, я тебе адрес дам, куда Колю повезли.

– А дети как же?

– Ничего страшного. Напарнице твоей уже позвонили, пусть выйдет в твою смену. Потом разберемся.

– Хорошо, спасибо! – обрадованно засуетилась девушка и кинулась сразу к двери.

– Вера! Вера Ивановна! – громко крикнула ей вслед Раиса Степановна, – ну, куда вы понеслись? А адрес?

– Ах, да! – Вера смущенно обернулась, – здесь подожду. Принесете?

Переминаясь с ноги на ногу, Верочка судорожно пыталась вспомнить, о каких признаках аппендицита она раньше слышала. Но обычно услужливая память на этот раз никак не хотела помогать. Ничего не приходило в голову, кроме одного, самого ужасного – это заболевание лечится хирургически. И эта мысль, прочно поселившаяся в ее взволнованном мозгу, очень Веру пугала.

Получив, наконец адрес больницы, девушка ринулась туда настолько стремительно, насколько позволяли средства городского передвижения.

Это была известная городская больница, стоящая чуть в стороне от центральных улиц. Несколько ее корпусов, серых и каких-то безликих, находились за высоким забором, заканчивающимся шлагбаумом и пропускным пунктом, в котором сидел не улыбочивый, слегка помятый мужчина в черной униформе.

День, начавшийся так суетливо и неудачно, так же и продолжился: нервно и суматошно.

Этот мужичок, деловито глядевший на Веру из своего окошечка, ни за что не хотел пропускать ее на вверенную ему территорию. Как истукан, он монотонно повторял одно и то же: есть пропуск – иди, нет пропуска – поворачивай назад или жди до пяти вечера, потому что с пяти до семи вход для посетителей открыт.

Верочка, покраснев от волнения, уже в десятый раз гневно ему доказывала, что ей необходимо попасть в отделение именно сейчас, утром. Сначала девушка пыталась спокойно объяснить ситуацию, затем, занервничав, повысила голос, давила на жалость. Охранник был непоколебим.

Тогда, потеряв всякое терпение, Вера, гневно сверкнув глазами, отошла от будки и позвонила в детдом медсестре. Та, не медля ни секунды, заказала Верочке пропуск, тут же поговорив с лечащим врачом. Через пять минут после разговора по телефону самодовольный мужичонка, высунувшись в окошко до пояса, мрачно оглядел хмурую Веру и нехотя кивнул в сторону главного корпуса:

– Иди. Вон туда, там хирургия.

Кинувшись со всех ног по указанному направлению, Верочка боялась лишь одного: чтобы вредный охранник вдруг не передумал.

Отделение хирургии, поселившееся на пятом этаже, произвело на девушку, приготовившуюся к длительной осаде, довольно приятное впечатление.

Санитарочка, встретившаяся ей у самого входа, спокойно выслушала заволновавшуюся воспитательницу и, приветливо улыбнувшись, махнула рукой по коридору:

– Иди прямо, до конца коридора. А потом направо повернешь, через две двери и будет пятая палата. Там твой питомец лежит.

Аппендицита у Коли не оказалось.

Взятые рано утром анализы и осмотр врачей диагноза не подтвердили. Обрадованная Вера чуть не задушила Колю в своих объятиях. Она сразу стала собирать его вещи, беспорядочно забрасывая их в свою бездонную сумку. Но вошедшая в палату медсестра, строго глядя на суматошную воспитательницу, недовольно покачала головой:

– Да вы что? Куда это вы собрались без выписки? А справки? А результаты анализов для его медицинской карты? Что вы за торопыга такая, а еще воспитательница!

Взрослый человек... Да как это можно увести ребенка из отделения, даже никого не предупредив?

Смущенная Вера, прекрасно понимая, что женщина абсолютно права, виновато опустила голову и, покраснев, стала поспешно оправдываться:

– Ой, да, да... Извините ради бога! Это я так, от радости. Конечно, вы правы, мы обязательнождемся, возьмем справку и все, что нужно.

Оформление бумаг и выполнение всяких формальностей заняло еще почти час, но Вера вместе с Колей спокойно дожидались, весело болтая о том, о сем.

Наконец, вся официальная часть была закончена, и они, дружно взявшись за руки, двинулись по светлому коридору отделения к выходу.

Медсестры, доктора и санитарочки, занятые своею ежедневной работой, внимания на них не обращали. Да и некогда отвлекаться на уходящих с выпиской, когда в хирургии каждый день – аврал: отовсюду стоны, жалобы да слезы... То на операцию, то после операции – круговерть человеческих бед и страданий.

В ординаторской толпились совсем молоденькие девушки и парни в белых халатах, очевидно, студенты медицинского института. Верочка, заметив их, понимающе улыбнулась, когда-то и она, участь в университете, ходила в школу на практику... А теперь вот их очередь, всему в этой жизни свое время, свой черед.

В самом конце длинного коридора, прямо перед выходом к лифту находился кабинет заведующего отделения. Верочка, зацепившись взглядом за табличку на двери, почему-то отметила для себя лишь то, что заведующим оказалась женщина, кандидат медицинских наук, а вот имя и фамилию даже не запомнила. Прибавив шаг, девушка обняла мальчишку за плечи и нажала кнопку лифта.

В то же самое время, когда Вера Ивановна, занятая воспитанником и своими мыслями, стояла у лифта, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, дверь кабинета заведующей открылась.

В коридор вышла уже немолодая женщина.

Светлые волосы, немного выглядывая из-под белой шапочки, оттеняли загоревшую кожу лица. Белоснежный халат, застегнутый на все пуговицы, очень стройнил ее и без того худенькую фигуру. Выйдя в коридор и посмотрев по сторонам, она направилась было в ординаторскую, но отчего-то остановилась и удивленно обернулась в сторону лифта: закрывая дверь кабинета, она невзначай заметила там девушку с мальчишкой лет восьми.

Странно, но чем дольше женщина глядела в их сторону, тем больше ощущала то ли необъяснимую тревогу, то ли непонятное волнение...

Это длилось какие-то секунды, потом двери распахнулись, девушка с мальчишкой шагнули внутрь и тут же скрылись за сомкнувшимися дверными половинками отъезжающего лифта. Верочка и вовсе не заметила худенькую женщину в белом халате, пристально глядевшую ей в спину, а заведующая, словно очнувшись от секундного забытья, тяжело вздохнула, покачала головой, отгоняя непрошенные мысли, и пошла к ординаторской. Но, сделав буквально два шага, она отчего-то круто развернулась и поспешила к сестринскому посту. Там заведующая, остановившись напротив старшей медсестры, сосредоточенно проверяющей список заказанных на завтра лекарств, торопливо проговорила:

– Зиночка, послушай, а кто это у нас сейчас выписывался?

Старшая медсестра, озабоченная навалившимися с утра проблемами и с головой погруженная в лежащие перед ней бумаги, не сразу поняла:

– Что? У нас? Когда?

Заведующая кивнула в сторону лифта:

– Вот только что...

Медсестра, сообщив, отмахнулась:

– Да это ж мальчонка из детского дома... Его ночью привезли с подозрением на аппендицит. Да обошлось, слава богу.

– Ага, понятно. А девушка?

– А девушка – воспитательница, за ним прислали... Не отпускать же парнишку одного. Они, детдомовцы, самостоятельные, конечно, но все же он еще ребенок.

Проговорив это, медсестра вдруг замерла, смекнув, что заведующая не будет без повода отвлекать ее от такого ответственного занятия, и опасливо прищурилась, сняв очки:

– А что, Валентина Сергеевна? Случилось чего?

Заведующая, покачав головой, лишь улыбнулась:

– Нет-нет, Зиночка, не волнуйся, работай спокойно. Все хорошо.

Кивнув старшей медсестре, женщина неторопливо прошла по коридору и, остановившись у большого окна, посмотрела в него. По аллее, ведущей к выходу в город, между белоствольных берез и высоких тополей шли худенькая светловолосая девушка и небольшой мальчуган.

Валентина Сергеевна долго глядела им вслед...

Ей никак не удавалось избавиться от навязчивой мысли, что она уже где-то видела эту молоденькую воспитательницу. Что-то в ее фигуре, походке, манере держать голову было очень знакомо. Она словно видела свою дочь, только на много лет старше...

Наконец, глубоко вздохнув, она тряхнула головой и усмехнулась, негромко произнеся:

– Ой, глупость какая! Бред. Видно, я так устала после двух операций сегодня, что в голову всякая ерунда лезет. Прав Тихон, надо меньше работать, а то и не такое привидится... Или надо в отпуск уходить. Устала. Нервы сдают.

Но выбросить из головы странное происшествие Валентине Сергеевне так и не удалось.

До самого вечера она беспокойно думала о странном видении и своем непонятном предчувствии. Так и не найдя этому происшествию разумного объяснения, женщина решила никому из домашних об этом не рассказывать.

Да и зачем? У всех и без того проблем хватает.

Жизнь словно испытывает их семью на прочность. Как научиться терпению? Где набраться сил? Никто, к сожалению, не подскажет...

Каждый борется в одиночку, каждый сам за себя... А жаль.

Глава 9

Лето, подступившее незаметно, оказалось очень теплым и сухим. Курсанты Суворовского училища, где давно преподавал Тихон, сдавали летние экзамены и готовились к поездке домой на каникулы. Тихон их понимал: устали, соскучились, переволновались... Еще бы, первый год обучения дается нелегко. Но жаловаться суворовцы не привыкли: сцепили зубы и – вперед... К победам. Только так.

Сегодня же Тихон, свободный от работы и дежурства в училище, решил поехать к другу на дачу. Конечно, и в городе они виделись частенько, но все как-то не получалось спокойного разговора: то друг куда-то торопился, у военных ведь жизнь не простая, беспокойная, то Тихон никак не мог оторваться от своих мальчишек, все опекал их, обучал, воспитывал.

А посидеть спокойно, пообщаться, поговорить давно хотелось.

И все этому желанию теперь способствовало: у друга внушка долгожданная родилась месяц назад, и жена его, естественно, сразу отправилась к дочери. И у Тихона в училище учебный год закончился, время свободное появилось. И вот сегодня, вырвавшись, наконец, из цепких объятий огромного города, он мчался в маленькую деревушку, где его лучший друг несколько лет назад построил большой деревянный дом и посадил яблоневый сад, о котором мечтал всю жизнь.

Дорога беспокойно виляла меж лесов и небольших поселений.

Солнце, проснувшееся спозаранку, нещадно палило. Небо, словно полинявшая или застиранная скатерть, давно утратило свой первоначальный глубокий цвет, и немыслимая его высота отсвечивала скорее чем-то белесым, чем голубым.

Тихон от жары не страдал.

Во-первых, кондиционер в автомобиле работал исправно, то и дело выбрасывая в салон машины очередную порцию студеного воздуха, а во-вторых, годы, проведенные когда-то в Афганистане, научили его организм легко справляться со зноем.

Вспомнив про далекий Афган, Тихон сразу нахмурился и помрачнел.

До сих пор, столько лет спустя он так и не научился спокойно думать о том, что случилось с ними в тех краях... В стране, где полегли лучшие друзья, там, откуда возвращались седоголовые парни с потухшими глазами, там, где судьба страшно испытывала его на прочность и выдержку.

До сих пор он, взрослый мужик, кричит по ночам во сне, опять и опять вынося из огня разорванного снарядом друга, до сих пор скрипит зубами, вспоминая, как рыдали матери, получая похоронки, до сих пор плачет, глядя на давние фотографии, пожелтевшие от времени, на которых его погибшие друзья весело смеются, дурачась перед боем...

Сколько потерь... Сколько смертей...

Сколько страшного горя.

Вдруг разволновавшись, Тихон осторожно съехал на обочину, густо поросшую травой и высокими лопухами. Заглушив машину, вышел из нее и, задохнувшись от чистого и свежего деревенского воздуха, тут же почувствовал, как кружится голова.

От всего сразу...

И от нахлынувших воспоминаний, и от тяжелых переживаний, связанных с безуспешными поисками первой семьи, и от первородной тишины, царящей здесь, всего в каких-то сорока километрах от огромного, никогда не спящего города.

Хотелось навсегда затеряться среди этих вековых деревьев, высоких трав и дурманящего воздуха, напоенного ароматом утренней росы, жаркого солнца и сладких ягод, как раз созревших в чаще леса.

Мужчина вернулся к машине, открыл обе передние дверцы и сел на пассажирское кресло, прикрыв глаза.

И тут же его память, сохранившая все до мельчайших подробностей, поспешно перелистнула давние страницы воспоминаний и вернула его в те страшные годы.

Как теперь он помнил последний год жизни с Дашей, рождение дочери, их счастье...

Дочь родилась в августе восемьдесят четвертого. А в декабре его отправили в Афганистан.

Вот и все. Только четыре месяца.

Четыре месяца бесконечной любви, объединившей их троих в единое целое.

Четыре месяца, которые он потом вспоминал всю жизнь.

И он, погибший и воскресший, раненый и потерявший память, живой и плененный – он всегда чувствовал, что где-то в уголке души есть тонкая струнка, какая-то крепкая ниточка, которая не дает погибнуть, держит его в этой жизни, заставляет бороться.

– Боже мой, – мужчина покачал головой, – какую жизнь я прожил... Врагу не пожелаешь.

Тихон опять закрыл глаза, окунувшись в далекое прошлое...

Их командировали в эту чужую, непонятную, далекую страну в самом конце года.

Декабрь в России тогда был студеный, ветреный, морозный. Но Тихон не чувствовал ни холода, ни мороза, потому что старался хоть как-то отвлечь Дашу от переживаний и тревоги, от страшных мыслей и горьких слез. Ничего не выходило, попытки его были тщетны: он и сам впадал в глухую тоску, видя бесконечное отчаяние в глазах любимой.

Все из рук валилось, ничего не получалось...

Слыша по ночам, как Даша потихоньку плачет в подушку, он нежно обнимал любимую, но слов утешения так и не находил...

Да и что тут скажешь?

Похоронок в их военный городок стали приходиться все чаще и чаще, и этот проклятый вертолет, называемый «Черный тюльпан», все чаще привозил страшный груз обезумевшим от горя родителям.

Даша так похудела за две недели до отправки мужа в Афган, что вещи на ней болтались, словно были с чужого плеча.

В тот день, когда их часть должны были перебрасывать за кордон, он крепко обнял почерневшую от горя жену и тихо сказал:

– Ну, перестань... Пожалуйста, перестань! Дашка, милая, не плачь... Я вернусь! Обещаю! Вот увидишь... Держись! Ты только держись! Слышишь?

Уже переступая порог, он вдруг оглянулся, помолчал, стараясь запомнить лицо любимой, и еле слышно прошептал:

– Я люблю тебя! Ты только помни...

Он ушел, осторожно прикрыв за собой дверь, чтобы не разбудить спящую четырехмесячную дочку и, кусая до крови губы, чтобы самому не разрыдаться, бежал до самой машины, где уже сидели с вещами его ребята.

Он ушел.

И оборвалась, закончилась та светлая и чистая полоса его жизни, которой, как казалось, суждено было длиться вечно.

А может быть, это неизбежность: все рано или поздно заканчивается? И у бесконечного счастья есть положенные судьбой границы?

Тихон, вдрогнув от гула проезжающей мимо машины, открыл глаза и, вздохнув, вернулся в день нынешний.

Да, пора ехать... Пора.

Он оглянулся.

День плавно перетекал в душный вечер. Тихон засуетился, он не любил опаздывать, а уж к Сергею – тем более.

Сергея самый близкий друг, да уже и не друг вовсе, а просто родственник, ведь столько лет, проведенных бок о бок, делают людей похожими друг на друга.

Сергей – это особая история.

Это человек, которому Тихон до сих пор готов поклониться в ноги, ведь именно он, Сергей Проханов, вытащил его из плена. Спас его тогда, когда это уже становилось практически невозможным... Ограниченный контингент Советских войск готовился покинуть Афганистан. Наших ребят, наконец, выводили из этой страны, где сложили головы самые лучшие и бесстрашные.

Время, конечно, всех меняет. Мы не молодеем, да это и понятно. И Серега изменился. Да и то сказать: генерал!

Голова поседела, погрузнел, потяжелел, но улыбка – озорная и приветливая – и сейчас, как в юности, сияет на его лице.

Встретившись, они крепко обнялись.

– Ох ты, чертяка! – Сергей обнял друга за плечи. – Даже и не верю, что ты сюда выбрался. Молодец! Ну, пойдем, пойдем, хвастаться буду...

Они до ночи сидели на открытой веранде.

Пили домашний ликер, который каждый год готовила жена Сергея по своему уникальному рецепту, ели сочное мясо, запеченное здесь же на мангале, и неспешно беседовали. Вспоминали молодость, друзей, свою часть, потом, конечно, Афган...

Сергей, помолчав, поднял печальные глаза на друга:

– Афганистан изменил нас всех. Всех, кто хоть как-то соприкасался с ним, этой войной, их людьми.

– Да, – тяжело вздохнул Тихон, – я часто беседую с ребятами, которые вернулись оттуда... Знаешь, у каждого раненое сердце, больная душа, изломанная жизнь.

– Этому есть объяснение, – Сергей нахмурился, – разве можно забыть свою смерть? Свою! А ведь мы все умирали там в каждом бою... В глаза ей, костлявой, глядели. А когда твой товарищ погибает на твоих руках или лежит рядом, разорванный снарядом, ты ведь тоже умираешь. От отчаяния, от горя, от злости и ненависти... От бессилия.

Сергей сжал кулаки и взглянул на друга:

– Я часто вспоминаю тот день, когда увидел тебя там, на дороге, в этой телеге, без памяти, оборванного, бородатого... Мне до сих пор жутко! У тебя были такие пустые глаза! Совершенно пустые. Бездонные. Как та пропасть, в которую ты скатился во время боя. Честно говоря, я думал, ты никогда не вернешься к нормальной жизни, ничего не вспомнишь, просто будешь медленно умирать или жить, как овощ...

Тихон чуть побледнел и кивнул:

– Я все помню... Помню, как солнце и песок сжигали меня. Знаешь, мне так страшно, как тогда, никогда не было и, надеюсь, уже не будет.

Сергей сочувственно вздохнул:

– Но ты молодец! Мужик! Из такой ямы выкарабкался... Силен! Все вспомнил, живешь, работаешь... Так и надо: наши не сдаются!

Он ласково похлопал друга по плечу и переменял тему разговора:

– Ну а чего ты мне не рассказываешь, как там Валентина твоя поживает? Чем ваша наследница занимается? Сколько ей уже? Четырнадцать?

Тихон рассмеялся:

– Ну, ты скажешь! Какие же четырнадцать? Шестнадцать почти.

– Да ты что? Вот тебе и невеста уже.

– Да, не говори... – Тихон задумчиво покачал головой, – летит время. Светланке уже шестнадцать будет, дак ведь и мы не молодеем. А Валюша ничего, все нормально, работает. Она ж у меня заведующая хирургией, днюет и ночует в своем отделении...

– Это хорошо, – Сергей улыбнулся, – значит, любит свою работу.

Он весело подмигнул Тихону и захохотал, откинув голову:

– А то я, клянусь, думал до сих пор, что она любит только тебя!

– Да ладно тебе, – Тихон отчего-то смутился.

– А чего ты смущаешься? – друг удивленно распахнул глаза, – забыл, что ли, как она тебя выхаживала весь этот год, пока ты без памяти в госпитале лежал. А потом сколько воевала с врачами? Молодая была, худющая, а двужильная, честное слово! Ночей не спала, все возле тебя... Смену отдежурит и опять к тебе.

И выходила ведь, подняла на ноги... Помнишь, сколько она тебе читала и сколько тестов проводила, чтобы память проснулась? Да, реабилитация трудной оказалась. Но Валя, ко всеобщему удивлению, справилась. Нет, точно – героическая она женщина, эта твоя Валентина.

Сергей встал из-за стола:

– Слушай, надоел этот ликер... Может, давай чайку свеженького заварим, вареньица достанем, вот конфеты тут какие-то есть. Торт я, правда, не купил, поленился в магазин ехать – так что обойдемся тем, что есть.

– Да и хорошо, что не купил. А вот вареньице доставай, попробую с удовольствием...

Тихону было очень хорошо здесь, рядом с другом, с которым он и учился, и воевал вместе...

Ведь это так важно, когда есть в нашей жизни человек, которому хочется полностью доверять и на которого можно надеяться как на самого себя.

Глава 10

Вечер давно перешел в ночь.

Стало прохладнее и свежее. С реки, протекающей рядом с домом, доносились редкие крики каких-то птиц, таинственный шорох камышей и тяжелый плеск воды. Небосвод, усыпанный яркими звездами, поражал своей странной, завораживающей красотой.

Друзья пили чай и все не могли наговориться. Перебивая друг друга, делились последними новостями, хвалились детьми, обсуждали работу и накопившиеся проблемы.

Вдруг Сергей, чуть нахмурившись, внимательно посмотрел на Тихона и, помолчав, задал вопрос, тревоживший его весь день:

– Слушай, дружище, вижу, что мучит твою душеньку какая-то проблема? Но ты молчишь, и я не лез с расспросами, но ведь уже и ночь наступила, сейчас спать пойдем, а завтра опять разлетимся. Кто знает, надолго ли... Как говорится, покой нам только снится! Так что ж, не поделишься, не расскажешь, что грызет тебя?

Тихон усмехнулся:

– Ничего от тебя не утаишь, командир... Насквозь видишь!

Сергей довольно хмыкнул:

– А то! Да только не обо всех сердце мое болит, а только о самых близких и родных. А ты мне как брат, и даже ближе – просто часть меня, вот как рука или нога... Да и не странно это вовсе: вся жизнь наша вместе, и на смерть вдвоем ходили, и горе вместе хлебали. Так что, поделишься?

Мужчина опустил седую голову и тяжело вздохнул:

– Конечно. Я и сам хотел, да только не знал, с чего начать...

Повисла тишина.

Где-то за домом хрустнула ветка, у соседей заворчала собака в будке, гремя длинной цепью. На другом конце деревни вдруг прокукарекал охрипший петух, перепутавший время побудки. Пахло водой, свежестью и луговыми травами, еще не скошенными за рекой.

Тихон молчал, и Сергей не торопил друга.

Он умел терпеть и ждать. Жизнь научила.

Наконец, Тихон поднял голову, распрямил плечи и взглянул на Сергея:

– Ой, Серега, тяжело мне что-то...

Друг напрягся, боясь услышать что-то страшное. Но смолчал, решив дать мужчине возможность собраться с мыслями.

А Тихон, покачивая головой, неторопливо продолжил:

– Появилась у меня одна навязчивая идея. Да и не появилась вовсе, а укрепилась, потому что думаю я об этом давным-давно.

– Так что ж? – все-таки не выдержал Сергей, – о чем думаешь-то?

Тихон невесело улыбнулся:

– Даже не знаю, как объяснить. В общем, ты же знаешь, что я до Афгана был женат? Знал ведь?

– Ну? – друг нахмурился, – и что?

– Ну, как что? – Тихон удивленно вскинулся и пожал плечами, – как что? Я вернулся, а они исчезли... Пропали. Бесследно. Как это может быть?

Тут уж и Сергей, не выдержав, вскочил со стула и, остановившись перед Тихоном, развел руками:

– Нет, подожди, дружище! Ты что-то не в ту степь топаешь, не то ты говоришь, не так рассуждаешь... Ты все, дорогой, перепутал! Ты вспомни, милый мой, как события развивались! Ну-ка, вспомни...

Увидев, что Тихон собрался что-то отвечать, он предупреждающе вытянул руку:

– Нет, нет, ты подожди! Теперь меня послушай, а то я боюсь, что твои мучения и терзания тебя опять до больницы доведут. Давай-ка вернемся к самому началу... Да, семья была. Ты уехал в Афган. Жена тебя ждала, я прекрасно помню, какие она тебе трогательные и нежные письма писала. Все помню. Правильно? Пошли дальше... Потом весной тебя убили. Вернее, ты пропал без вести, но ребята-то из роты видели, как снаряд возле тебя разорвался и как твоё тело, перевернувшись несколько раз в воздухе, полетело в пропасть бездонную... Мы тебя искали, так долго искали! В ущелье скалолазов опускали, но не нашли, словно ты испарился. Я думал, что сердце мое лопнет от отчаяния и бессилия. Я ногти грыз, чтобы не выть в голос... А потом? Надо было что-то делать, человека-то нет – похоронку жене твоей отправили. Да... Правильно я говорю? Для всех ты тогда погиб, тебя похоронили... Ты это понимаешь?

Тихон молчал.

Но Сергей, хоть и видел, что другу неприятно думать о былом, продолжал, считая, что лучше один раз сделать больно, чем потом много лет переживать, не получая результата.

– Ты, Тиша, прости меня. Может, это сейчас звучит жестоко, но надо же все расставить по своим местам, иначе ты зайдешь в такой тупик, из которого выхода никогда не будет. Ты сам себя загонишь в угол, из которого один путь – в госпиталь.

Тихон кивнул:

– Говори.

Друг сел напротив:

– Тебя не было много лет. Ты три года числился в мертвых. А потом, когда я тебя нашел, ты еще много лет лечился. Это-то ты знаешь не хуже меня... А что семье твоей надо было делать? Они должны были как-то существовать? Я, к сожалению, не знаю, как они выживали после получения похоронки, что с ними потом случилось... Потерял их из виду тогда, а позже узнал, что родители твои умерли один за другим – не вынесли такого горя. Сначала – отец, мать через два года за ним отправилась... Я тебе о них рассказывал, когда память к тебе вернулась, помнишь?

Тихон, покраснев, опустил голову:

– Конечно, помню. Соседи говорили, что она все в церковь ходила, молилась за упокой душ наших, отца и моей. Тихо плакала возле икон, на глазах таяла... Тосковала.

Сергей вздохнул:

– Да... Тяжкие воспоминания. Но от этого никуда не уйдешь, не спрячешься, не убежишь... Ну, так вот: родителей не стало, и след твоей семьи потерялся, растаял – и это объяснимо: ведь их жизнь не закончилась! Жена твоя, еще очень молодая, возможно, создала новую семью или уехала в другую страну, хотя это мало вероятно, тогда с этим не шутили... В общем, ты, на мой взгляд, напрасно все это затеял. Вот печенкой чую, что напрасно.

Сергей махнул рукой и в упор взглянул на друга:

– Ну, какие поиски, ведь столько лет прошло, страна огромная... Тут и целой жизни не хватит, чтобы все объездить, всех опросить. Не бери, Тиша, старых ран. Оставь ты это дело, сам живи и людям вокруг тебя жизнь не порти.

Тихон поежился, словно стараясь отряхнуться от тяжелых воспоминаний, и задумчиво проговорил:

– А вот здесь я с тобой, друг мой, не согласен.

Он помолчал и потом продолжил:

– Прав ты, Сережа, как всегда, во всем прав. Кроме одного... Не понимаешь ты вот чего: я Дашку очень любил, с детства. И дочь любил, которая родилась почти перед командировкой. Иной раз ночью проснусь – кричать хочется! Пойми ты, я ведь им мешать не буду, жизнь их не испорчу, только взгляну одним глазком на девочку мою, на жену бывшую... Просто посмотрю и опять исчезну навсегда – не стану помехой их нынешнего счастья. Слышишь? А потом, с

чего это ты решил, что все у них хорошо? А если бедствуют? Тяжело живут? Если одни без помощи мыкаются в этой жизни? Ведь все может быть... А?

Сергей покачал головой и тронул друга за плечо:

– Не надо кипятиться... Остынь. Сейчас ты думаешь только о себе, о своих бедах-печалях... А ты о них подумай, что с ними будет, если через тридцать лет погибший муж объявится? Нужно им такое открытие? О них подумай...

Тихон угрюмо молчал.

Сергей кивнул укоризненно:

– Вот-вот... Молчишь! Я, конечно, во всем тебе готов помочь, но... Сто раз подумай, друг мой, нужно ли это. Подумай, чтобы потом не пожалеть о совершенном... Все не так-то просто в этой жизни. Совсем не просто.

Сергей разволновался.

Душа за Тихона болела, и он, чтобы хоть как-то смягчить впечатление от их достаточно жесткого разговора, похлопал друга по плечу и улыбнулся:

– Я, Тиша, понимаю, что огорчил тебя, но как иначе? Вот уедешь завтра, а я буду каждый день об этом разговоре вспоминать и корить себя, что не остановил, не уговорил, не вразумил...

Тихон упрямо молчал, подперев голову руками.

Сергей ухмыльнулся:

– Узнаю твой характер: если что задумал – не сдвинешь. Ну что ж... Вольному – воля, как говорится. Только не переусердствуй, чтобы за тобой судеб разрушенных не осталось. А я? Что ж... Конечно, если понадобится – примчусь. Ты ж знаешь...

Тихон вздохнул и согласно кивнул:

– Конечно, знаю. Спасибо, Сережа. Пошли, что ли, спать? Гляди, светает уже...

Занимался рассвет.

Где-то у самого горизонта, еще сумрачно-холодного, вдруг чуть посветлела узкая полоска далекого неба. С каждой минутой она становилась все ярче и ярче, все смелее захватывая необъятное небесное покрывало, то там, то здесь вспыхивая нежными, чуть розовеющими отблесками проснувшегося и вступающего в свои законные права огненного шара.

Солнце надвигалось, жадно и властно поглощая остатки тьмы и разливаясь по алеющему горизонту ярким светом, несущим жизнь.

Глава 11

Иван, проснувшись на заре, несколько секунд полежал, с удовольствием ощущая, как его большое тело тоже осторожно пробуждается. Каждая клеточка, наливаясь силой и здоровьем, пела и радовалась новому дню.

Иван потихоньку повернулся на бок и ласково улыбнулся: рядом, обняв подушку, сладко спала Даша.

Дашенька. Любимая красавица. Ненаглядная жена.

Мужчина внимательно поглядел на спящую жену и удивленно подумал о том, что она все так же хороша и красива, как и тридцать лет назад. Разве что легкие морщинки в уголках глаз залегли да чуть пополнела. Но улыбка и походка все те же, и характер совсем не испортился: доброта так и сквозит в каждом слове, в каждом жесте.

Иван опять улыбнулся...

Как же ему повезло – спасибо судьбе: такой подарок сделала ему когда-то!

Вот ведь ему уже без малого пятьдесят семь, а все никак не может привыкнуть к мысли, что Даша никуда не исчезнет, все боится ее потерять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.